

18+

Ярослава Казакова

*Роза —
стервоза*

Повестъ

Ярослава Казакова

Роза – стервоза. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50284371

ISBN 9785449815279

Аннотация

Эта книга – история о жизни во всей её противоречивой многогранности. Главная героиня считает себя человеком циничным и чёрствым, но жизнь открывает в ней тайные, лучшие стороны личности.

Содержание

Роза – стервоза	5
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Роза – стервоза

Повесть

Ярослава Казакова

© Ярослава Казакова, 2020

ISBN 978-5-4498-1527-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роза – стервоза

Глава 1

– Как я не хочу вставать и переться на проклятую репетицию! До чего мне надоело корчить из себя чёртову балерину! – Проскрипела я спросонья, нечеловеческим усилием разлепляя веки.

Я привыкла с детства просыпаться рано и очень рано, но в последний год пробуждения даются мне всё труднее. Дело здесь не в болезни или физической усталости. Я не хочу просыпаться *сюда*.

– Илонка, прекрати! Что ты такое говоришь? Ты, ведь, и есть балерина.

О, все черти ада! До чего противный у Катьки голос! Особенно по утрам. Утро – это часть суток, которую лучше проспать. Только тогда оно будет удачным началом дня. Жаль, такое случается в моей жизни крайне редко. Зато слащавый Катькин голосишко я слышу по утрам всё чаще с тех самых пор, как переехала в отдельную спальню из нашей с Григорием как бы общей.

Кажется, его сестра Катерина давно не слышала о себе правды. Что ж, за мной не застрянет.

– ... сеешь негатив и программируешь себя на неудачу! К тому же, своими словами ты портишь ауру окружающих...

– ...которых я не просила окружать меня! – Закончила я,

вскакивая на ноги.

Катька непроизвольно отпрянула.

– Фух... Илонка! Как тебе каждый раз удаётся так выпрыгивать? Как чёрт из табакерки, честное слово! Ой...

Катька спохватилась, но поздно. Чёрт уже помянут, аура подпорчена, длина волны сбита ко всем... ну, вы понимаете.

– Скоро здесь будет полон дом народу!.. – Мечтательно произнесла моя непрощенная подруга и духовная наставница, видимо, чтобы сгладить неловкость. – Женечка приедет! – Закончила она совсем уж радостно.

– С Альбиночкой, – дополнила я ей в тон, и Катька моментально погрустнела.

– Что он нашёл в этой старой козе? – Выпалила она, сделавшись похожей на воспитанницу старшей группы детсада. – Зачем он её везде с собой таскает? – Более горькой обиды ещё поискать.

– Она сама за ним таскается, – поведала я Катьке доверительно.

– Конечно! Сторожит муженька! Я бы тоже на её месте...

– На месте психолога команды, с которой она и её муж-тренер везде таскаются? – Невинно поинтересовалась я, подавляя зевок.

Беседуя с Катькой на тему негативного программирования, духовных практик и её неземной любви к сильно потрёпанному жизнью бывшему футбольному полузащитнику, я методично складывала в сумку всё необходимое для репети-

ции. Я думала о том, что надо бы заменить пуанты. Эти ещё крепкие, но уже на чёрта похожи. Вылитый Катькин братец Гришенька в момент нашего с ним знакомства, только он при том был ещё и жирный, как боров.

Мне тогда стоило большого труда сдерживать рвотные позывы от его вида и манер, а после не меньшие усилия были затрачены, чтобы привести это соломенное чучело в человеческий вид. Вскоре мне сие удалось настолько, что от него хотелось уже только плевать, а не блевать.

Теперь вид Григория Гладышева, топ-менеджера одного известного столичного футбольного клуба, вполне себе сносный, но чего мне стоит поддерживать его на достигнутом уровне!.. Мать моя женщина! Когда же всё это закончится? Вместе с моей дурачкой, переломанной во всех местах жизнью, судя по всему.

Катка несла и несла какую-то возвышенную чушь о том, как сила любви воздействует на человека, на его, провалились она в сортир, ауру, на окружающих, на весь этот грешный и несовершенный мир. Её, кажется, совсем не смущал тот факт, что объект её любви женат и любит свою жену.

Интересно, что происходит с аурой просветлённой идиотки в момент разбивания ею чужой семьи? Хотя, думаю, с аурой именно этой идиотки не случится ровным счётом ничего страшного, потому что Евгений Марченко посмотрит в её сторону, только если Катенька очень громко испустит газы, например, или сорвётся в пропасть. В других случаях

внимание этого человека ей не светит.

Кстати, он неплохой спарринг-партнёр. Приедет – устроим совместную тренировку.

Катя всё не умолкала, хотя мой слух, кажется, уже расцарапан в кровь её корявыми рассуждениями и занозистыми цитатками из Интернета. Глядя в эти горящие маниакальными огоньками тёмно-карие глазки, я подумала, что надо бы на обратном пути докупить тёмного шоколада для кексов. Я всегда пеку их собственноручно. Во-первых, процесс успокаивает, во-вторых, домработница обязательно забудет что-нибудь положить, в-третьих, я могу под предлогом священнодействия выгнать всех с кухни и в кои-то веки побыть одна.

Я с детства обожаю быть одна, но сказать, что это бывает редко, не сказать ничего. Я росла в интернате хореографического училища, а перед этим жила в детсаду для детей железнодорожников на пятидневке. Мать моя, та самая, которая женщина, проводница по профессии. Правда, встретившись с ней, вы, скорее всего, примете её за даму из высшего общества, и будете не так уж далеки от истины. Дело в том, что мать в своё время слегка не доучилась на инязе и работает с тех пор на поездах, следующих по европейским направлениям. У неё много знакомств наверху, и мамка при случае умело ими пользуется.

Она шикарная натуральная блондинка с самым стильным на свете гардеробом и приятнейшими манерами, к тому же,

невероятно сильная и жизнестойкая. Глядя на мать, все думают, что жизнь её – мёд наполоам с сахаром, и никто не может даже на секунду вообразить, через какое говно ей пришлось пройти.

Мамка осталась к двадцати пяти годам одна с двумя дочерьми-погодками, полуслепой свекровью и долгами в полуподвальной комнате огромной коммуналки. Из-за нас с Лаймой, моей старшей сестрой, ей пришлось взять бессрочный академ в институте, куда ей более не довелось вернуться, и пойти работать на железную дорогу.

Именно поэтому мы с сестрой росли по пятидневкам и интернатам, а ещё потому, что условия нашей коммуналки не позволяли растить в ней детей. Растить-то, конечно, нас там было можно, но вырастить – вряд ли. Помещение с годами сделалось очень сырым, тёмным, заплесневелым и почти не проветриваемым. Это произошло во многом благодаря тому, что по соседству с нашим стареньким трёхэтажным домиком возвели панельную шестнадцатизэтажку. Она перекрыла нам свет и дуновение ветерка окончательно.

Мы, конечно, стояли в очереди на улучшение жилищных условий, но в «сказочных» девяностых все очереди полетели к чертям, и переехать в отдельное жильё матери удалось только к моему выпуску из школы. Бабушки на тот момент уже не было в живых. Она умерла на мамкиных руках, когда мне было четырнадцать, а её дорогой сынок даже не соблаговолил приехать на похороны, не говоря уже о том, чтобы

прислать хоть какие-то деньги.

Мать не видела от него ни алиментов на нас с сестрой, ни помощи по уходу за его больной матерью. Впрочем, его самого она тоже не видела с девяносто второго года, когда он отбыл за лучшей долей сначала в Латвию, а потом в Финляндию. Подразумевалось, что отец семейства поехал искать благополучия для всех нас, но, вырвавшись на свободу, папаня очень быстро забыл о нашем существовании.

– В точности, как его отец! – Причитала бабушка. – Такой же непутёвый!

Родители моего отца поженились по меркам их времени поздно, когда обоим было хорошо за тридцать. Дедушка латыш, бабушка русская. Интернациональная семья. Жуткий послевоенный дефицит мужчин.

Девочкой я просто слушала рассказы бабушки о нелёгком детстве, войне, работе в госпитале, а потом в больнице, о её странном, а местами откровенно нелепом, романе с дедушкой. Теперь с высоты собственного опыта могу что-то понять и оценить.

Дед в своё время бросил в Прибалтике жену с двумя детьми-подростками, «воспылав» страстью к бабушке. Думаю, на самом деле он воспылал идеей переезда в столицу. Бабушка была коренной москвичкой, а он... сами понимаете!

В общем, обзаведясь в столице женой, пропиской, ребёнком и квадратными метрами, дед эти самые метры легко при

разводе поделил, и бывшая жена с сыном оказались в той самой полуподвальной коммуналке. Он же очутился в мужьях, а по совместительству холуях, одной высокопоставленной партийной дамы.

Ещё в ранней юности я зареклась от романов с женатыми и зарок свой держу твёрдо. Пусть женатик хоть гор золотых мне подвалит, он мне не нужен. Кто предал однажды, предаст не единожды, да, и не сдались мне сопли чужих детей и вопли обманутой жены-дурищи.

Когда мой юный на тот момент папочка привёл в их с матерью конуру невесту, бабушка не возражала. Она на тот момент была уже настолько затюкана беспросветным существованием, что все события воспринимала со смирением грешника в аду, у которого уже не осталось сил кричать. Хорошую девочку-студентку из уральского города Глазова с облезлым чемоданом и семимесячным животиком бабушка приняла ласково. Она словно предчувствовала, что остаток жизни придётся провести именно с невесткой, а не с сыном.

Я не видела отца, кроме как на фотографиях, до двадцати двух лет. Именно в двадцать два я выиграла Золотую Терпсихору, получила крупную денежную премию и смогла позволить себе собственное жильё – отличную двушку на Кожуховской, бывшую коммуналку, кстати. Увидев в дверной глазок мужчину, буквально утопавшего в букете красных каллов, которые, к слову сказать, терпеть не могу, я приняла его

за соседа по лестничной клетке. Ну, пришёл мужик с победой в конкурсе поздравить, что особенного?

За дверью стоял грязноватый, плохо выбритый обтрёпок. Возраст на вид сильно за пятьдесят, хотя на самом деле чуть за сорок. Полные, чувственные губы, которые постепенно уже начали превращаться в синеватые, бесформенные сосиски. Коричневатые круги под глазами. Я узнала его по взгляду с хитроватым прищуром. Он глядел так на меня в детстве с фотографий, наводя на мысли о злых колдунах и шутах гороховых одновременно.

– Ну, здравствуй, доченька! – Произнёс так называемый родитель, протягивая мне свои мерзкие каллы.

Больше он ничего сказать не успел, потому что в следующий момент был отправлен мной в нокаут. Папочка очень удачно зашёл: я как раз колотила грушу, опробуя новые перчатки для кикбоксинга. Балеринам вообще-то нельзя заниматься подобными грубыми видами спорта, но я с детства заметила одну любопытную закономерность. Она заключается в том, что чем реже ты спрашиваешь разрешения, тем больше можешь себе позволить. Кстати, мы не сыпали в интернате друг другу стекло в тапочки. Мы дрались ножками от старых кроватей.

Я закрыла дверь и больше никогда не видела драгоценного папочку.

Глава 2

Принимая душ, я чуть, было, не потеряла счёт времени,

которого с утра и так не завались. Надо бы выехать пораньше, до пробок, но вода так приятно ласкает кожу, а на панели управления столько разных режимов и прибабасов!.. Я была бы напрочь лишена этого удовольствия в своей двушке на Кожухе. Вдобавок, в ванной я одна. Наконец-то, хоть ненадолго, одна!

Я никогда не пылала страстью к Гришеньке, не говоря уже о его сестрице Катюне, а в последние три месяца едва выношу их. Меня от них колотит. Я уже готова отказаться от своих амбициозных планов, которые всё больше в последнее время напоминают бесплодные мечты, и отправиться обратно в тишину и уют двух моих больших комнат, маленькой, темноватой кухоньки и крошечной ванной. Пусть у меня не будет больше личного водителя, шикарных подарков и поездок, куда моя левая нога захочет, джакузи и деликатесов на обед, но, и этих двух поганых рож тоже не будет.

А, ведь, было время, когда я жила без всяких покровителей ввиду их полной ненадобности! Я царила на сцене. Я завоёвывала самые престижные награды. Меня осыпали цветами и овациями. Я могла позволить себе столько!.. Правда, почти не позволяла, потому что времени всегда в обрез. Вы себе не представляете, что такое график балетной примы, да, и не нужно оно вам сто лет.

Мне всё это было нужно. Мне страшно не хватает той моей яркой, бурлящей жизни. Больше той жизни не будет. Перелом позвоночника поставил на ней жирный крест. Мне

ещё дико повезло, что в течение года после травмы восстановилась моя подвижность, а ещё через пять месяцев я смогла вернуться в профессию. Правда, кем... Жалкой кордой, создающей массовость на сцене. Ведущие партии мне теперь не под силу.

Ещё мне не под силу такая жизнь. Знаете, я не могу быть абы какой балериной. Я могу быть только примой.

Что ты делаешь со мной, жизнь? Неужели тебе мало всего остального, что ты натворила? Как часто какая-то мелочь, неловкое движение, поворот головы не в ту сторону решают всё!

Однажды моя бабушка, возвращаясь зимой в потёмках с работы, поскользнулась и упала навзничь. Казалось бы, с кем не бывает, а она почти полностью лишилась зрения, ударившись затылком.

Вот, и меня как-то раз угораздило сорваться с поддержки на репетиции. Это было бы не так обидно, будь я двухметровой тётей лошадю, каких теперь немало в балете, но, ведь, нет! Я из тех, кого в высокорослом современном мире презрительно именуют полторашками. Один метр пятьдесят пять сантиметров. Сорок два кило веса. Сильный и заботливый партнёр. Как? Почему?

Однако эти мысли можно крутить в голове до бесконечности, как дерьмо в стиральной машине. Толку нет, одна грязь. Надо что-то решать. Надо что-то предпринимать. Мне скоро тридцать.

Уже тридцать, чтобы начать задумываться о том, что будет, когда я не смогу больше выходить на сцену. Собственно говоря, я и так выхожу на неё в последние два года через «не могу».

Всего тридцать, чтобы прожить жизнь не так, как я хочу, а так, как теперь. Ставший чужим, холодным и почти ненавистным театр. Сделавшиеся далёкими и отстранёнными коллеги. Поредевший круг знакомств. Похудевшая материальная база, которая грозит в будущем стать ещё эфемернее. Разбивающиеся одна за другой надежды. Уходящие годы. Ни мужа, ни любимого мужчины. Надутый, самовлюблённый индюк рядом.

Я познакомилась с Григорием Гладышевым в Склифе. Он пришёл туда с делегацией чиновников и других деятелей от спорта, чтобы навестить парочку травмированных спортсменов на показуху под прицелом телекамер. В тот непростой для меня период было уже понятно, что я смогу ходить, но совершенно не ясно, насколько восстановлюсь и восстановлюсь ли как профессионал. Я уже говорила, Григорий с самого начала был жутко противен мне физически, да, и морально не фонтан, но я сразу разглядела в этом хитрожом субъекте некие возможности для себя теперешней.

Легко спровадив ко всем чертям тупоголовую певичку Алиночку, с которой Гришка в то время жил, я воцарилась в его нелепом, безвкусно обставленном доме и в его большом, ожиревшем сердце. В нужные моменты я мило улыба-

лась, либо роняла редкие, хрустальные слёзы и беспомощно хлопала ресницами.

Знаете, натуральные блондинки с детскими лицами вроде моего очень красиво плачут. Особенно, если перед этим долго тренировались у зеркала. Я и тренировалась, когда была одна, а в присутствии Григория Николаевича прикидывалась нежно искренней и трепетно слабой. Вылитый недостреленный лебедь. Делала вид, что нахожусь в одном шаге от бездны депрессии и алкоголизма, а однажды даже попытку суицида инсценировала. В общем, позволила Гладышеву вдоволь наиграться в спасателя.

Когда этого не простиранного жирдяя из-за его долбоящеровского образа жизни хватанул микроинсульт, я трогательно за ним ухаживала, уговорила отказаться от алкоголя и табака, придерживаться диеты и графика тренировок. Происходящие с его телом и самочувствием благоприятные перемены убедили чучело гороховое в моей бескорыстной любви, но тут я, кажется, переборщила. Он успокоился и решил, что я никуда теперь не денусь.

Однажды, три месяца назад, я подслушивала Гришкин разговор с лучшим другом Митенькой под дверями его кабинета. Можете относиться к этому, как хотите, мне наплевать: я так делала, делаю и буду делать. Когда мне нужна информация, я иду и добываю её, а не заламываю ручки в печальной безвестности.

– Как у тебя дела с Илонкой? – Спросил Митенька после

того, как они обсудили, наконец, все свои рабочие вопросы и окончательно выяснили, кто из их сотрудников относится к сексуальным меньшинствам, а кто нет.

Кстати, я сама перед этим попросила Митеньку узнать, что думает Гладышев по поводу наших с ним отношений, но решила подстраховаться и послушать собственными ушами. Людям свойственно замалчивать скользкие моменты, что-то не так понимать и передавать слова неточно. Так вышло и в тот раз.

– А какие у меня с ней могут быть дела? – В обычной своей дебилно-шутливой манере ответил вопросом на вопрос мой дорогой любовник. – Илонка – она Илонка и есть. Куда она в ж.. денется?

– Ну, куда... – Замялся Митенька, – уведут, например!

– Да, кому она сдалась, эта щипаная курица? Сопливному мальчишке из танцевалки? – Так Гладышев презрительно именуется хореографическое училище. – Так, он ей сам не приболел ни к одному месту. Илонка роскошь любит.

– А как же семья, дети, все дела?..

– А на кой? – Надменно поинтересовался Григорий. – Детей у меня есть двое, почти взрослые уже. Синяк в паспорте мне на хрен не сдался, я не девушка...

– Но Илонка-то девушка! – Возразил правильный Дмитрий Викторович. – Ей-то, должно быть, хочется какой-то стабильности, определённости, всех делов...

Я подумала, было, что Митенька замечательный человек,

но очень уж беден его лексикон, да не успела. Додумать эту мудрую мысль не дал ответ Григория, затопивший моё сознание зеленовато-чёрным, первобытным гневом.

– Мало ли, кому чего хочется? Если сильно захочется, пойдёт к...

Я умею ругаться не хуже, а в сто раз лучше этого гладко выбритого уroda. Я слышала много раз в свой адрес такое!.. Ещё я не раз огребала много и больно физически, но почему-то именно эти слова ранили меня сильнее всего, испытанного раньше.

Спустя какое-то время, когда ко мне вернулась способность мыслить, я порадовалась, что не люблю Гладышева. Если бы любила, его слова убили бы меня на месте. Ещё я поругала себя за самонадеянность и подивилась, в который уже раз за жизнь, как мы, женщины, легко водружаем себе на голову корону, мешающую воспринимать себя и других адекватно.

Я решила, что непременно съеду от Гришки, как только буду готова. Я дала себе полгода на решение всех вопросов. Я пытаюсь чётко следовать плану, но обстоятельства упорно не желают складываться в мою пользу. Ничего, я заставлю их сложиться. Только придумаю, как это сделать, и непременно заставлю.

Глава 3

Туманным сентябрьским утром Митенька, передавая мне слова дорогого друга, старательно отводил глаза. Он сказал,

что Григорий, не единожды пострадав за свою не такую уж короткую жизнь от женщин, опасается брачных оков. Гришенька очень любит меня, но ему нужно время... В общем, обычная чепуха из сопливых девичьих историй, ничего нового.

Я сделала вид, что проглотила дружескую брехню Митеньки с аппетитом, а сама сказала вечером Гладышеву, что хочу иметь собственную спальню в его доме. Во-первых, моим вещам тесновато в его шкафу, платья на вешалках мнутся. Во-вторых, обострившаяся на днях вегето-сосудистая дистония мешает мне заснуть под вопли его телевизора. Как только мои головокружения и мигрени закончатся, я сразу же вернусь в наше с ним, мать его в душу, гнёздышко.

Хозяин, который, как известно, барин, посмотрел на меня с подозрением.

– Ты чего это? Беременна, что ль?

– Почему ты так решил? – Спросила я устало. – По-твоему, я опухла и набрала вес?

– Вот, именно, что не опухла. На больную ты не похожа как-то.

– Если я не ною, работаю, делаю много чего по дому и не отказываю тебе в близости, это не значит, что я здорова, как слон! – Вспылила я. – Мы, балетные, знаешь, какую боль терпим? Если каждый раз жаловаться, жаловалка отвалится! Сам, ведь, бывший спортсмен, понимать должен!

– Детское питание, – веско произнёс Григорий, вдавливая

свой чёрный, недоверчивый взгляд в мои глаза.

Я действительно в последний год часто покупаю детское питание. Прочитала в одном дамском журнале, что, съедая по две баночки этой чудесной, экологически чистой пищи на завтрак, обед или ужин, во-первых, будешь сыта, во-вторых никогда не переберёшь с калориями. Так делают многие голливудские звёзды, заботящиеся о своём весе. Проблема поддержания низкого веса стала для меня с некоторых пор актуальной. Физические нагрузки при переходе из прим в корды, как ни крути, снижаются.

Обо всём этом я и поведала своему недоверчивому собеседнику.

– Ты это только что придумала? – Спросил он с ухмылкой.

– А ты когда додумался, что я беременна: сейчас или ещё год назад, когда я только начала покупать эти несчастные баночки? – Ответила я в его манере.

Григорий смутился.

– Ну, я просто слышал, что современные женщины таким, вот, экзотическим образом намекают своим мужьям на беременность. Игрушки детские покупают, сосочки, там, разные...

– Я не современная женщина, – обрубил я. – Вдобавок, ты мне не муж. Так что, твои подозрения абсолютно беспочвенны!

– Я тебе муж. Гражданский.

– Открой Семейный кодекс. Когда найдёшь там определе-

ние понятия «Гражданский брак» можешь закрывать.

Григорий захихикал.

– За что я люблю тебя, Илонка... Ты такая сволочушка! – Выдал он сквозь смех.

«А ты просто чушка, противная и вонючая притом!» – Подумала я со злостью, а вслух сказала:

– Я не сволочушка. Я большая сволочь: мигренями страдать посмела. Как ты меня терпишь – непонятно.

После отошла на три шага, сделав вид, будто не понимаю, что мой гражданский недомуж хочет меня обнять.

– Ясно, – резюмировал Григорий. – Капризничаешь, значит. Ну, что ж, можешь выбрать себе любую спальню. Только чтобы рядом с моей, – ненавистный хитрый прищур в чёрненьких глазёнках. – Я уже старенький, мне далеко ходить тяжело!

В общем, мой переезд в отдельную спальню Гришка воспринял как каприз, который однажды непременно закончится. Он не придал этому факту особого значения.

Да, что там несчастный переезд! Гладышева, похоже, не волнует даже то, что за последние три месяца можно пересчитать по пальцам одной руки наши с ним интимные контакты. После той их с Митенькой ночной беседы я под разными предлогами избегаю близости. Капризничаю.

Не думаю, что он ведёт монашеский образ жизни, да ещё и радуется при этом. Скорее всего, он восполняет то, что я недодаю, в другом месте, и всегда восполнял, по-видимому.

Мужчины данного типа никогда не довольствуются только одним женским телом, да, и охотниц до их тел и состояний полно. Я знала, на что шла, охмуря эту беспринципную сволочь. Однако он никогда, даже в лучший наш с ним период, не заговаривал со мной о свадьбе.

Нет, она мне на дух не нужна, не подумайте дурного. Я живу с Гладышевым исключительно ради полезных знакомств и новых возможностей. Благодаря ему я вращаюсь почти в том же кругу, из которого три года назад вылетела с треском. С треском моего разламывающегося позвоночника.

За время наших с ним, как сейчас модно говорить, отношений, я снялась в трёх эпизодических ролях двух сериалов, детективного и любовного. Поучаствовала в кулинарном шоу. Провела пару выпусков спортивной передачи для детей. Полгода отработала хореографом в Школе Моделей, пока та благополучно не протянула свои длинные ноги.

Я постоянно шлифую свой английский, а полгода назад приступила к глубокому изучению итальянского. Ещё активно совершенствуюсь в игре на фортепиано. Кикбоксинг тоже не остаётся без моего внимания.

Всё это, конечно, хорошо, но пока ни один телевизионный канал, ни одна киностудия и ни одна другая организация не предложили мне ровным счётом ничего серьёзного. Правда, прошло не так много времени, чтобы потерять надежду окончательно, но хотелось бы уже пристроиться куда-то поосновательнее и не зависеть от интересов и настроя

какого-то богатого самодура.

Одним словом, я использую индюка Гладышева как трамплин для нового старта. Правда, пока ещё в силу обстоятельств не определилась, в какую сторону стартовать. Он использует меня как красивую куклу и домоправительницу. Я не желаю выходить за Григория замуж, рожать от него толстых, страшных детей, развлекать его безмозглую сестру и вечно вести их дурацкое хозяйство. Я рассчитываю на что-нибудь получше.

Однако то, что мужчина не заговаривает об официальной регистрации отношений – дурной знак. Гладышев может в любой момент указать мне на дверь, как указал в своё время певичке Алиночке, а перед ней актрисуле Викуле. Тогда прощайте, связи, возможности, перспективы. Прощай, обеспеченная, насыщенная жизнь.

Конечно, тридцать лет в наше время совсем ещё не возраст, и теоретически можно всё успеть, но теория и практика редко совмещаются в нашем странном, сумбурном мире. Я не привыкла упускать возможности. Я не привыкла вообще что-либо упускать. Для нас, интернатских, это совершенно невиданная вещь.

Впрочем, не думаю, что Гладышев укажет мне на дверь со дня на день или в ближайшие несколько месяцев. Он, как и все мужики, слишком инертный и неповоротливый, а я приучила его ко многим вещам, без которых он теперь не мыслит своей жизни. Незаменимых, конечно, нет, но, ду-

маю, замена мне найдётся не за день и не за два.

Ещё впереди маячат новогодние каникулы, и в доме моего многоуважаемого индюка соберётся большая компания. Её нужно со вкусом встретить, разместить, развлечь, угостить. Вряд ли им двоим с домработницей это под силу. Катька не в счёт. Она никогда и нигде не в счёт. Я могла бы её даже пожалеть, если бы во мне оставалось ещё хоть что-то человеческое. Однако с последним в нашем доме напряг.

По правде говоря, и сам Гладышев не питает к своей сестрице особо тёплых чувств. Он держит её возле себя в качестве ценного капитала. Да-да, не удивляйтесь. Свеженькая, хорошенькая, половозрелая младшая сестра – отличный товар, который можно пристроить с выгодой для себя любимого. Жалкие Катькины интересы прирождённого топ-менеджера не остановят, да, и выгода от сделки для неё самой, безусловно, будет. Такие они – высокие братско-сестринские отношения, а вы как думали?

Катька приходится сестрой Гладышеву только по отцу, и разница в возрасте у них пятнадцать лет. Вдобавок они мало общались, а росла Катька отдельно от Гришки. Просто девочка созрела, поумнела, насколько это возможно при её скромных данных, и решила держаться поближе к своему состоятельному и не злому, в общем-то, брату.

Вокруг него в силу специфики профессии всегда много парней и мужчин, и девчонке думалось, что она без труда подле брата найдёт партию себе по душе. Ещё в последний

год Катюне кажется, что она эту партию уже нашла. Осталось приложить немного усилий, и она очарует Женечку, разведёт его с Альбиной, и у них будут дети-дом-собака и счастья целый воз.

Если вдуматься, у нас с Катькой похожие причины находиться рядом с Григорием. Правда, я в своих надеждах опираюсь больше на профессиональные интересы, а Катька на личные, но суть от этого не меняется: Гладышев сам по себе не сдался ни ей, ни мне. Не удивлюсь, если он прекрасно это понимает. Впрочем, если не понимает, не удивлюсь тоже. Мужики отличаются невероятным самомнением.

Я могла бы, хоть завтра, избавиться от болтливой, надоедливой Катьки одной левой раз и навсегда, но не делаю этого, потому что моё «ангельское терпение» добавляет мне бонусов в глазах братца Гришеньки. Катька жмётся ко мне, потому что росла единственным ребёнком очень взрослых родителей. Они оберегали её от всего и от всех, в том числе от друзей детства и юности. Не зря же она выросла такой прибабахнутой, изоляция сказалась.

Теперь тупая двадцатитрехлетняя девочка Катенька отрывается на мне за годы вынужденного детско-юношеского одиночества. Для чего нам с ней обеим нужен её брат, вы уже знаете. Так и живём, скоро уже два года как, этим странным, тройственным союзом.

Глава 4

– Панна, вы позавтракаете или так поедете?

О, силы преисподней! Когда я завтракала перед тем, как отправиться на репетицию? Но, нет! Антонина Тимофеевна, наша домработница, не может не задать этого глупого вопроса. Если не задаст, у неё, видимо, случится запор на три дня! Ещё невероятно бесят эти словечки из старых книг – меня домработница называет панной, Гришку барином, а Катька для неё исключительно барышня. Однако я никогда с ней не спорю и не ссорюсь. Не хочу тратить на это время.

Натянув на лицо вежливую улыбку, я спокойно ответила:
– Спасибо, Антонина Тимофеевна. Так поеду. Очень спешу!

– Удачи вам!

– Благодарю вас, вам тоже.

Выскочив в промозглую хмарь декабрьского подмосковного утра, я плотнее закуталась в шубку и скользнула на заднее сидение автомобиля. Водитель, пришибленный молодой парень по имени Максим, пробормотал своё едва слышное «здрасьти», и мы двинулись в путь. Не люблю пришибленных. От них никогда не знаешь, чего ждать. Не зря самые ужасные маньяки в быту нередко бывают пришибленными.

Однако, несмотря на странного водителя, я всё равно люблю дорогу. Кажется, у нас с мамкой это наследственное. Лайма совсем другая. Она мечтает о возможности перемещаться в любую точку мира без перелётов и поездок. О телепортации, одним словом. Сестра любит сменить обстановку, но в дороге её всегда одолевает тоска.

В своё время Лайма наотрез отказалась идти в хореографическое училище. Даже пробоваться не стала. Мать по какому-то немислимому благу устроила её в интернат с математическим уклоном. Лайма всегда любила что-нибудь подсчитывать.

Хотя, я тоже любила. До сих пор многие говорят, что у меня аналитический ум, но несчастное хореографическое училище!.. Какими мы оттуда выходим необразованными и неприспособленными! Впрочем, из любого интерната человек выходит неприспособленным, будь этот интернат самым обычным, спортивным, математическим или каким-то ещё.

Правда, я всегда много читала. Разучивая очередную роль, брала в библиотеке книжку и внимательно изучала произведение, по которому ставится спектакль. Многие мои соученики недоумевали – зачем? Преподаватели и так всё расскажут и покажут, но нет. Я с детства отличалась въедливостью во всём.

Ещё я любила погружаться в мир нот и музыкальных созвучий. В хореографическом училище всех заставляют в некоторой мере осваивать фортепиано, но большинство ребят по окончании больше никогда за инструмент не садится. Я никогда надолго игру не забрасывала, даже одно время брала уроки у настоящих мастеров.

Лайма с детства жила в мире цифр и знаков, и, кажется, ориентируется в нём намного лучше, чем в реальной жизни.

Впрочем, кто в ней ориентируется на пять баллов, в этой реальной жизни?

В ранней юности я завидовала уму и образованности сестры, чувствуя себя по сравнению с ней зашуганной, побитой мышью. Потом ощущала своё превосходство, когда танцевала ведущие партии и брала призы на международных конкурсах, ездила по всему миру на гастроли, останавливалась в лучших отелях. Лайма в это время безвылазно сидела в пыльной бухгалтерии среди толстозадых тёток, одетых в бесформенные серые мешки.

После травмы, лёжа днями и ночами на ортопедической койке, я думала, какая умница моя сестра – сидит себе в бухгалтерии, в тепле, безопасности, стабильности. Теперь я глотаю на заднем плане пыль, когда другие танцуют ведущие партии, а Лайма – прима. Главбух по-ихнему. Ведёт отчётность крупного, процветающего предприятия. Приобрела в ипотеку двушку на Планерной и даже успела досрочно расплатиться с долгом.

Я горжусь своей сестрой. Горжусь настолько же, насколько презираю своё нынешнее положение.

Наша мать гордится нами обеими. Она слишком добра, чтобы осознавать, насколько жалким созданием выросла её младшая дочь. Жалким и одновременно злым, изворотливым. Мать не понимает этого, и в том её счастье.

Ещё её расстраивает отсутствие у нас с Лаймой семей с детьми. Она думает, нам не везёт с мужчинами, но это

не так. На мужчин нам попросту наплевать, если они не помогают добиваться наших целей, а дети... Ни я, ни моя сестра не хотим детей.

– У вас было сложное детство, – увещевает нас мать, – но сейчас на дворе совсем другие времена. Да, и вы сами не в подвале живёте, обе имеете профессию, прилично зарабатываете. Уж одного-то ребёнка каждая из вас точно прокормит! В вашем возрасте я двух дочерей-школьниц одна растила и не имела десятой доли того, что есть у каждой из вас...

Мы молча выслушиваем её нотации и живём, как считаем нужным. Да, каждая из нас могла бы без проблем растить в одиночку ребёнка, а то и двух, но нам не надо. Знаете, чайлдфри – это часто на самом деле не те, кто ненавидит детей. Это люди, с трудом пережившие собственное детство.

Кстати, о детях. Ко мне почему-то в последние годы жутко тянется молодняк. Просят объяснить что-то, советуются, причём не только по рабочим вопросам, но и по личным. Я никогда с ними не сюсюкаю, не любезничаю и не улыбаюсь добренькой материнской улыбочкой, а они всё равно тянутся ко мне. Видимо, примы и корифеи всегда слишком заняты, а таким, как я, бедолажкам можно и голову поморочить.

Впрочем, не всем. Кордам, которые всегда были тем, что они есть, вопросов не задают. С ними и так всё ясно. Дело, видимо, в моём звёздном прошлом.

Знали бы вы, как тяжело в неполные тридцать лет гово-

ритель о нём в прошедшем времени! Если бы в заламывании рук и горьких восклицаниях был хоть какой-то толк, в мире давно перевелись бы несчастные и обездоленные.

– Илонка, тут опять твой приходил, яблоко тебе принёс! – Наперебой докладывали девочки, с которыми я делю гримёрку.

На моём гримёрном столике и впрямь лежит невероятно красивое яблоко. Умела бы рисовать, непременно изобразила бы его в цвете, но, чего нет, того нет.

«Яблоко раздора», – проклюнулась вдруг сквозь восхищение цветом и формой расхожая фраза. Я прогнала её как глупую и неуместную, а зря.

Дверь в гримёрку, скрипнув, приоткрылась, и на пороге показался Костенька, тот самый «мальчик из танцевалки», упомянутый Григорием в приснопамятном ночном разговоре с Митенькой. Правда, Григорий ляпнул и забыл, а мальчик-то и впрямь существует.

Трудно поверить в то, что он реально существует, глядя на его вытянутую, полупрозрачную фигурку, напоминающую призрак. Тем не менее – вот, он, живой, тёплый, яблочками тётю Илону подкармливает.

Костеньке двадцать два годика, но выглядит на все шестнадцать. Месяца полтора назад мне звонила его мамка и слёзно просила уступить ухаживаниям мальчика. Её сынуля не привык расстраиваться. Он привык с рождения получать всё, что хочет, на блюдечке с золотой каёмочкой. Папа

Костеньки – владелец крупной сети супермаркетов, так что, сами понимаете, Илона Рихардовна...

Илона Рихардовна всё понимает. Она должна бережно взять сей драгоценный дар, обучить его всем любовно-постельным премудростям, а после, когда мальчик встретит настоящую любовь, молодую, красивую, богатую и плодovitую, тихо отойти в тень, а лучше застрелиться из арбалета, чтобы не напоминать отцу будущего счастливого семейства о своём никчёмном существовании. В противном случае Илона Рихардовна рискует вылететь к тем самым, портящим ауры тупых девочек, существам с работы и быть в Гугле забаненной и в бане загугленной.

В ответ я расхохоталась смехом базарной торговки и заявила, что мне насрать на её сына, его отца и всё прочее в этом духе. На мою, с позволения сказать, работу насрать ещё сильнее... Кажется, я её убедила, и очень надеялась, что глупый мальчишка теперь отвяжется, но, нет. После того разговора в благородном семействе случился небывалый скандал, а Костенька никуда не делся. Всё так же стоит на пороге и тяжело вздыхает.

Ещё я жду со дня на день, когда меня придут увольнять. У самой не хватает решимости уволиться, так, может, подсобит кто! Пока охотников подсобить не нашлось, но мне предстоял не ординарный день, хотя начинался он вполне обыденно, а местами даже скучно.

– Можно вас? – Пршелестел полупрозрачный скелетон

у порога.

– Кого, меня? – Бойко отозвалась Дианка.

Она у нас самая ленивая и неповоротливая. Думаю, дни её в балете сочтены. Конечно, кто бы говорил, но, тем не менее. Мы называем Дианку «Принцесса Дивана», потому что она вечно восседает на нём и умничает в духе королевы Марии Антуанетты. Та советовала тем, кто не имеет хлеба, есть пирожные, и Дианкины перлы почти все наподобие этого. Правда, вряд ли Диана помнит, что королева Мари, благодаря своей небывалой мудрости, лишилась головы на гильотине, но не суть. Суть в том, что мы с девчонками очень смешно троллим моего юного воздыхателя.

Я делаю вид, что не понимаю, к кому на самом деле пришёл полупрозрачный красавец, а девочки, дружно прикидываясь шлангами, по очереди спрашивают:

– Меня?

– Вы ко мне?

– К нам?

И так далее в том же духе.

Вот, и теперь я сосредоточенно завязывала ленты на своих пуантах, словно происходящее не касалось меня никаким боком, а близняшки Маша и Даша (В оригинальности их родителям, конечно, не откажешь!) спрашивали хором:

– Вы ко мне, Константин?

Личики они при этом изобразили уморительно глупые, а голосочки сделали писклявыми, словно у трёхлетних де-

вочек. После нескольких минут подобной экзекуции Костик больше не был похож на призрак. Он напоминал теперь ярко-красный цветок на тоненькой, хрупкой ножке. Полыхая лицом и дрожа голосом, он, наконец, выдавил из себя:

– Илона, можно вас?

– Илона? – Удивлённо переспросила Принцесса Дивана, затеявшая эту весёлую игру. – А, кто это?

– Я! – Бодро откликнулась смуглая, большеглазая Эрика, по-военному выпятив грудь и делая гигантский шаг вперёд. – Я Илона! Что вы хотели, молодой человек?

– Хватит придуриваться! – Истерически выкрикнул наследник продуктово-хозтоварной империи.

– Ой... – Это снова Диана, притворно напуганная, с приложенной к правой стороне груди ладошкой. – У нас уже и слёзы в голосе... Больной, когда вам в последний раз вводили успокоительное?

Костик побагровел, но ничего не ответил.

– Дианочка, сердце слева, а не справа, – просветила сквозь смешки девочек диванную принцессу русская кореянка Ира.

Кожа у неё белая-белая, а лицо напоминает личико китайской фарфоровой куколки.

– Я знаю, – ответила Дианка. – Просто на левую руку я сейчас очень удобно опираюсь, и мне лень менять позу.

– Когда ты будешь выходить замуж, мы понесём тебя в ЗАГС вместе с диваном, – залилась смехом рыжеволосая, веснушчатая Любочка.

– Не дотащите, – мрачно пообещала Диана. – К тому времени, когда Костик решится, наконец, сделать мне предложение, я состарюсь и наберу пятьдесят кило. Может, хватит время тянуть, а, Зай? – Обратилась она к моему незадачливому ухажёру. – Давай уже жениться, а? У меня такое белое платье... моль в шкафу доедает!

Последние слова Диана произнесла, очень натурально изображая горестный плач, и они потонули в волнах просто сатанинского хохота.

Возюкаясь как можно дольше с обувью, я надеялась, что Костик убежит, но не на того я напала. Покончив с завязками и подняв глаза, я увидела тоненькую фигурку в дверном проёме. Губы мальчишки тряслись, на глаза навернулись слёзы, но упрямец словно прирос к полу. Я смилостивилась и вышла в полутёмный коридор, увлекая за собой Костика.

Глава 5

– Илона, я так больше не могу! – Горестно выдохнул хрупкий мальчик, когда девичий гогот был безжалостно обрублен стуком закрывающейся тяжелой двери. – Сколько это ещё может продолжаться?

– Потерпи немного, – ласково отвечала я, глядя предплечье Костика и нежно заглядывая ему в глаза. – Скоро всё утрясётся... устанутся...

– Я к тому времени буду старым и толстым! – Невесело пошутил Костик, нагло сплагатив недавние Дианкины слова.

– Её скоро здесь не будет, – пообещала я. – Принцессу Дивана скоро уволят из театра, и всем это хорошо известно. Недолго ей осталось над тобой издеваться.

– Ты об этом... – Досадливо поморщился мой юный воздыхатель. – Я совсем о другом! Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

– Я не могу сейчас уйти. Он убьёт меня, – уже сбилась со счёта, сколько раз я прибежала к этой палочке-выручалочке. – Он убьёт меня, тебя, истребит наши семьи... Гладышев страшный человек!

Мне стоило больших трудов сдержать смех. Мальчишка, похоже, верил всему, что бы я ни наплела. Если бы я знала тогда, к каким последствиям приведут мои слова, была бы осторожнее в высказываниях, но жизнь скучная, настроение так себе, будущее видится сплошь коричневым, и отнюдь не от шоколада...

В общем, я развлекалась, как умела, дразня разбалованного сына богатых родителей. Тут ещё и классовая неприязнь примешивалась: мне родители в юношеские годы машин не покупали, по заграницам не возили, капризов не удовлетворяли. Мать трудилась день и ночь, как заведённая, и едва тянула нас с сестрой, а в свои двадцать два года я жила уже самостоятельно и голову никому не морочила!

– Вишневская! – Услышала я раскатистый, гневный голос, доносившийся с высоты ста восьмидесяти семи сантиметров.

Вообще-то, моя фамилия по отцу Винькеле. Этот пошатающийся козёл ничего мне не дал, кроме самой дурацкой на свете фамилии. Достигнув совершеннолетия, я сменила её на нормальную, благозвучную фамилию, которую никто не переспрашивает по сто раз. Лайма взяла мамину девичью, и теперь они с мамкой Соловьёвы.

– Вы что-то хотели, Леонид Абрамович? – Вежливо поинтересовалась я, глядя прямо в глаза главному хореографу театра.

– Я хотел, чтобы ты прекратила опаздывать и закончила жевать сопли! – С места в карьер раскипятился наш главный. – Ты посмотри на себя! Пора идти в класс, а ты до сих пор не готова! Стоишь тут в шубе, вдобавок всё время жрёшь...

Здорово! Это я-то всё время опаздываю и жру?! Нашёл жруню-опаздуню! Да, с чего он...

Тут до меня дошло, что я и впрямь не сняла шубу и к тому же за каким-то предметом держу в руках чёртово яблоко. Я его машинально схватила со стола, когда выходила из гримёрки. Такая уж у меня привычка – всё своё ношу с собою. Однажды в юности мне довелось прожить пару месяцев в таких притонах!.. Что выпустил из рук, то уже не твоё, можешь забыть.

Непроизвольно обернувшись на Костика, я обнаружила, что его уже и след простыл. Вот, она, цена словам и клятвам. Верь людям после этого! Впрочем, я не собиралась никому

верить, особенно всяким с осени закормленным маменькиным сынкам.

Не отводя глаз от лица главного, я молча сунула в карман злосчастное яблоко и стянула с себя шубку, представ перед Молостовским в гимнастическом купальнике, трико и пуантах, в общем, полностью готовой к репетиции. Однако это не успокоило, а ещё сильнее разозлило вредного дядьку:

– Что ты себе позволяешь? Кем ты себя вообразила, несчастная? Ты давай, бросай, свои звёздные замашки! Неровён час, без работы останешься. Вообще, без всякой! Думаешь, я не в курсе, что тебя не приняли в театр эстрадного танца? Навострила лыжи, понимаешь, думала, там будешь звездить, ан, нет!..

Молостовский ещё долго не умолкал, но я уже почти ничего не слышала. Кровь бросилась мне в голову, зашуршала в ушах и перекрыла без того слабый коридорный свет моим глазам.

Дело в том, что в конце лета я и впрямь ходила на показ в театр эстрадного танца, и меня туда не приняли. Не приняли не из-за моих профессиональных данных, а из-за роста. Из-за моих несчастных, мать их, ста пятидесяти пяти сантиметров. На эстраде высокие девушки нужны, а папаша, который, между прочим, наполовину прибалт, не соизволил нас с Лаймой им наградить. Даже несчастных генов роста ему для нас оказалось жаль!

Я никому не рассказывала о своём неудачном походе,

но какая-то сволочь, по-видимому, из комиссии, доложила. Спасибо ей огромное.

Ещё я поняла, что против меня всё же развёрнута полноценная война на истребление. Тут, возможно, Костькина мать подкузьмила, либо кое-кто из нынешних прим устал ловить на себе мой сочувственный взгляд, потому что не по Сеньке шапка. Всякое возможно, но результат будет один: меня выживут из театра. Я перевидала косо́й десяток подобных историй за время своей учёбы и карьеры, заканчиваются они всегда одинаково.

Правда, у объекта травли всегда есть выбор способа реагирования на ситуацию. Он может:

- плакать и бросаться начальству в ноги;
- найти богатых и могущественных покровителей, чтобы те умилили гнев руководства, разумеется, на время, до следующей массированной атаки;
- уйти, гордо хлопнув дверью себе по заднице;
- игнорировать неприятности ровно до того момента, как будет вывешен приказ об увольнении по причине несоответствия занимаемой должности;
- жаловаться в вышестоящие инстанции и судиться-судиться-судиться до тех пор, пока не закончатся ресурсы, либо время пенсии не подойдёт.

Я не хочу тратить драгоценное время своей жизни на суды и пересуды. Несмотря на все тяготы, я люблю жизнь и хочу наслаждаться ею, а не брезговать. К тому же, данный способ

реагирования стоит немалых денег. Да, у нас в стране трудовые иски рассматриваются бесплатно, но, у того, кто сам себе адвокат, клиент, как известно, дурак. Ещё я не собираюсь тратить на суды свои сбережения, а просить денег на это дерьмо у Григория не собираюсь ещё сильнее. Я вообще ничего ему рассказывать о своих сложностях не собираюсь. Наши с ним дни сочтены.

Мы скоро расстанемся, и этот факт тоже нельзя игнорировать, ибо я не намерена ждать, когда Гладышев сам отвесит мне смачного пенделя. Я не намерена ждать, собирая на себя плевки начальства и коллег, когда мне наподдадут под зад в театре. Я не мусорный пакет и не плевательница, поэтому игнорировать травлю – не мой вариант.

Гордо уйти под оскорбления и улюлюканье... В чём тут гордость?

Можно, конечно, пожаловаться мамке, и она обязательно что-нибудь придумает, но я не хочу жаловаться. Не хочу расстраивать свою не такую уж молодую мать, которая только в последние лет десять начала жить жизнью, похожей на человеческую.

Плакать и бросаться в ноги однажды мне приходилось. Подействовало. Правда, тогда я ещё не окончила училище. Я из него попросту сбежала на два месяца.

Глава 6

В свои неполные пятнадцать лет я сбежала с любимым парнем Юрасиком, насквозь криминальным и невероятно

харизматичным элементом, из города. Мы с ним отправились в нелегально-гастрольный тур по стране.

Не поверите, но наше знакомство произошло в университетской библиотеке. Меня туда направил преподаватель народного танца, седовласый дедок возрастом немного за восемьдесят. Он попросил сделать ксерокопии нескольких страниц одной редкой книги, которая хранилась в читальном зале и не выдавалась на дом ни студентам, ни преподавателям. Сам дедулька идти в библиотеку боялся: той весной почти до самых майских праздников свирепствовал гололёд.

Оформив пропуск, я шла по коридорам храма книг, поражаясь его красоте и величию. Шедший навстречу двоечник-прогульщик с юридического факультета Юра Бердников был зеленоглазым, темноволосым симпатягой. Он не испытывал в тот момент никаких чувств, кроме скуки.

Позже Юра говорил, что приметил меня сразу, и ему понравилось наблюдать за мной. Он всегда восторгался миниатюрными девушками, вдобавок мои движения и походка... Спасибо хореографическому училищу, за наше счастливое детство!

Я задержалась тем пасмурно-тягучим тягучим днём в библиотеке почти до закрытия, потому что увлеклась своей спонтанной экскурсией и просмотром редких книг. Юра полдня ходил за мной, как приклеенный, и подошёл знакомиться уже в гардеробе.

Я отнеслась к взрослому парню настороженно, но было

в его облике, словах и манерах что-то невероятно располагающее. Я позволила симпатяге проводить меня до ворот училища, и мы подходили к ним уже добрыми друзьями. На второй встрече я влюбилась по уши, а на третьей окончательно потеряла голову. Лето и осень прошли в любовной горячке. После Нового года мы решили бежать.

Шло начало нулевых, и последние организованные преступные группировки вяло достреливали друг друга под грустно-оптимистичные выпуски новостей и композиции Ин Грид. Мы с Юркой мыкались по разным городам, кое-что подворовывали, кое-кого обманывали. Мы легко добывали деньги и так же легко спускали их. Юрочка играл с денежными лохами в карты, а я танцевала стриптиз.

Мы останавливались на хатах, где нас могли ободрать, как липку, либо, наоборот, можно было разжиться чем-то ценным. Это уж, как повезёт. Насколько ты фартовый.

Юрасик слыл фартовым. Он обыгрывал всех, с кем бы ни садился играть. Мой парень, несмотря на возраст, был опытным шулером, он меня обучил многому. Ему почти никогда не приходилось мошенничать за игрой по-крупному: Юрику реально «пёрло». Покойный отчим обучал его с детского возраста. Кажется, после смерти Юры дар побеждать за ломберным столом перешёл мне, однако узнала я об этом далеко не сразу.

Ещё у Юры был Голос. Он пел при мне только два раза в жизни, и оба раза я плакала. Мальчиком любимый пел

на свадьбах, но, когда подросток, счёл пение занятием бесперспективным.

– У меня нет связей, где надо. Без них соваться в шоу-бизнес глупо, – говорил он. – Карты – совсем другое дело. На этом подняться можно. Ну, или проигратся в прах.

Юру застрелили на одной из криминальных хат, где шла в ту ночь большая игра. Целью был вовсе не он, а один крупный вор в законе. Мой парень просто попал под раздачу.

Меня в тот момент там не было. Я по предварительной договорённости выступала в мутном, но жутко популярном у богатого молодняка клубе, изображая известную эстрадную звезду. Внешне мы с ней очень похожи, двигаться, как она, я без труда обучилась, а «пела», конечно же, под фонограмму. Выступление прошло на «ура», и меня даже не очень сильно накололи с гонораром. Я возвращалась в предутренней дымке на хату счастливая, с полными карманами денег, а там...

Дом оцеплен, работают несколько бригад «Скорой», милиции и спасателей, во дворе жмутся жильцы в верхней одежде, второпях наброшенной на ночное бельё. Всё в лучших традициях. Я впала в ступор.

Очнулась оттого, что кто-то теребил мою руку и бормотал на ухо какие-то слова. Я повернула голову в сторону раздражителя и увидела рядом с собой нелепую, кособокую бабку в серо-буро-малиновом пальтище и чёрном с розами платке.

– Пойдём отсюда. Тебе туда не надо идти, – произнесла

вдруг бабка голосом Серёги, смотрящего той самой хаты.

Я повиновалась.

По дороге на автовокзал криминальный приятель рассказал мне, что случилось в ту ночь на его хате, и посоветовал убираться из города в любую сторону, главное – подальше. Я расплакалась.

– Нет! – Предостерегающе вскинул руку Сергей. В своём костюме бабки он выглядел настолько нелепо и, в то же время, натурально... Нет ничего печальнее и уродливее старости. Я смерти не боюсь. Смерть – это часть жизни, её логическое завершение. Я боюсь старости. Старость – это когда ты выпадаешь из жизни, и неважно, в каком возрасте это происходит. – Не смей сейчас реветь! Потом. Всё потом.

– Что же мне делать? – Спросила я горестно.

– Я тебе уже сказал!

– Я прекрасно слышала, что ты сказал. Конечно, я уберусь из города, иначе и быть не может. Дальше-то мне делать что?

Раньше я прекрасно знала, что мне делать: заниматься у станка до тех пор, пока не сойдёт сто восемь потов, сдавать зачёты и показы, проходить медосмотры, вживаться в роли воздушных и нежных, либо уродливых и злых героинь, а в перерывах отдыхать с книжкой на подоконнике. В последний год у меня появился новый вид досуга – побеги к любимому. Это было ужас, как романтично.

Патроны Юрика не одобрили его любви. Именно поэтому мой юный гангстер предложил бежать. В неполные два

месяца наших странствий Юра говорил мне, что делать, и я беспрекословно слушалась...

Теперь его больше нет. Некому повиноваться. Некого любить. Не для кого жить и улыбаться.

Свистящая, чёрная пустота затопила всё моё существо. Я перестала думать. Видеть. Слышать. Существовать...

Не помню, что ответил Серёга на мой вопрос и ответил ли. Я даже не заметила, как и когда он исчез. Не знаю, сколько времени я провела в оцепенении за столиком грязноватого привокзального кафетерия. Никакого кафетерия, как и вокзала, и Привокзальной площади с памятником Железному Феликсу посередине, больше не существовало. Времени тоже.

– Девушка, вам нехорошо?

Из оцепенения меня вывел даже не вопрос сидящего напротив коротко стриженного блондина с карими глазами, а ощущение тепла на левой руке.

– Руки ледяные, – констатировал парень, которому на вид было никак не больше двадцати лет.

– Это неважно, – отозвалась я.

– А, что важно? – Спросил блондин, и в тёмных глазах его засветились весёлые искорки.

Я довольно долго молчала, а после выдала неожиданно даже для себя самой:

– Тебе приходилось сталкиваться со смертью? Ты знаешь, что это такое?

– Я сталкиваюсь со смертью каждый день, – буднично сообщил мне случайный собеседник. – В морге работаю, – пояснил он с усталым вздохом.

– В морге... – Эхом повторила я. – Как странно... Мой парень... Его убили... Убили!

Я повторила это слово раз десять, и до меня постепенно начал доходить его жуткий смысл. Убили. Не дали жизни прийти к её логическому завершению естественным образом. Пресекли путь. Оборвали полёт.

Сидящий напротив молодой человек говорил и говорил что-то успокоительное, поглаживая меня по руке. Хорошо умничать, когда тебя не касается. Сил злиться, однако, не было.

– Меня зовут Вадим, – представился собеседник, выжидательно глядя на меня.

– Илона, – откликнулась я, и мой новый знакомый саркастически усмехнулся.

– Не хочешь, значит, имя говорить... Что ж, не хочешь, не надо.

Похоже, парень всерьёз обиделся и собрался уходить. Мне вдруг стало стыдно. Хороший человек пытается помочь, а я... Что, собственно, я? Неужели я виновата в том, что в придачу к идиотской фамилии мне ещё и имечко досталось, словно в насмешку!

– Вадим! – Окликнула я парня, и он сразу вернулся на прежнее место. – Меня правда Илона зовут. Я в хореогра-

фическом училище учусь. В Москве.

– А, тогда понятно, – одобрил Вадим и приступил к подробнейшему допросу. Я ещё в первый день приезда заметила, что люди здесь крайне любопытны, и задавать друг другу вопросы – самое популярное их развлечение. Дело было в Саратове.

Я сама не поняла, как выложила парню всё. Он внимательно слушал. Мне как-то даже не пришло в голову, что он может сдать меня, куда следует. Впрочем, Вадим не собирался этого делать. Он собирался задавать вопросы. Бесчисленное множество вопросов.

– Что ты теперь собираешься делать? – Спросил Вадим, когда моё печальное повествование подошло к концу.

– Не знаю, – ответила я. – Честно, не знаю. Ты не обижайся только!

– Я не из обидчивых, – сообщил парень на полном серьёзе. – Думаю, завязывать тебе надо с криминалом и всем таким прочим.

«Всё такое прочее» – одно из любимых выражений Вадима. Я заметила, что он не ругается матом. Странно. Люди его возраста и социального положения редко обходятся без крепких словечек. К концу того невероятного дня я поняла, почему речь Вадима столь правильна и чиста, а пока оставалось лишь недоумевать.

– Пошли! – Скомандовал вдруг Вадим после довольно долгого нашего с ним молчания.

Я в это время сидела, уставившись в столешницу с покрытием под мрамор, досконально изучая её поддельную структуру, а Вадим копался в своём телефоне. Кажется, обменивался с кем-то смс-ками.

– Куда? – Устало поинтересовалась я.

– В больницу, – ответил Вадим. – Сегодня не моё дежурство, но у меня есть одна идея... К тому же, Харон занят по уши... Там сегодня криминальных привезли косой десяток... Ты чего?! Илонка! Ты мне это брось!

Последние слова парень произнёс, заботливо подхватывая меня под спину. Я не имею обыкновения, чуть что, грохаться в обмороки, картинно закатывая глаза, но в тот момент вся обстановка кафетерия почему-то резко скосилась набок, а в ушах моих многократно усилился шум крови.

«Криминальных привезли»... Это, ведь, как раз тех криминальных, которые...

Из-за прилавка прибежала пышнотелая блондинка лет сорока со стаканом воды.

– Бедненькая! – Причитала она. – Худенькая-то какая! Вы, молодёжь, совсем ничего не едите, вот, и... Мож, скорую вызвать?

– Не надо, – отозвался Вадим. – Я сам медик. Мы сейчас с ней в больницу поедем. Не беспокойтесь.

Их слова доносились до меня, как сквозь вату. Зубы стучали о стакан. Я подумала, что у этой женщины могут быть дети примерно нашего с Вадимом возраста, и вспомнила

о мамке. Как она там? Почему я снова забыла о ней подумать, когда сбегала из училища и из города в обнимку с ненаглядным Юрасиком? Конечно, я ей посылала время от времени сообщения с чужих номеров, но что они могли значить в сравнении с пропажей дочери?

А что теперь будет с несчастной, издёрганной матерью Юры? Он о ней подумал? Мы оба ни секунды не думали о своих матерях, когда за два часа спланировали и осуществили свой нелепый, насквозь идиотский, с какой стороны ни посмотри, побег. Почему мы все такие сволочи и эгоисты?!

– Соберись, Илонка! – Буквально упрасивал Вадим. – Мы сейчас сядем на тралик и моментально домчим до больницы. Всё будет хорошо. Я уже всё придумал.

Его голос успокаивал и внушал надежду, а рука приятно согревала.

– Порозовела! – Удовлетворённо констатировала буфетчица. – Вам, мож, такси позвать? У меня тут брат двоюродный подрабатывает, таксует...

– Нет, спасибо, – отозвался Вадим, – нам недалеко. И, вообще, Илонка у нас крепкий парень! Да, Илонка? – Поинтересовался он с наигранным весельем.

Я выдавила улыбку и кивнула. Пышнотелая и пышноволося спасительница посмеялась над его «парнем» и отошла обратно к прилавок, где уже минуты три переминался с ноги на ногу потрёпанный мужичок в грязноватой коричневой

куртке.

Глава 7

– Вы пакет забыли! – Услышали мы за спиной пронзительный женский крик, едва отойдя метров на десять от кафетерия.

На его пороге стояла давешняя сердобольная буфетчица, сжимая в руке пакет с изображённым на нём букетом сирени. Я узнала этот пакет, и у меня подкосились ноги. Вадим подбежал к женщине, забрал его из её полных, белых рук, поблагодарил, что-то ещё произнёс, от чего буфетчица буквально покатилась со смеху...

Я не разбираю его слов.

Я вообще слабо соображала в то утро.

Я тупо смотрела на то, как яростный мартовский ветер треплет пергидрольные пряди женщины, отчаянно пытаюсь сорвать священный талисман всех буфетчиц – белую, крахмальную наколку.

Это был тот самый пакет, в котором хранились все наши с Юрасиком «капиталы», как он их шуточно называл: деньги, которые мы так легко добывали и спускали. Ещё там лежала маленькая коричневая сумочка из затёртой замши, в которой любимый хранил пару-тройку ценных для него вещей. Я не знала, что это за вещи.

Скоро узнаю, если не произойдёт ещё чего-нибудь гадкого. Хотя, что может быть гаже того, что уже произошло? Самое удивительное, что я продолжаю существовать, и мир ни-

куда не делся. Солнце по-прежнему пытается светить сквозь неплотную завесу облаков, а ветер так же резвится в волосах и носит по площади прошлогодние листья и унесённые откуда-то пакеты и бумажки.

– Маша-растеряша! – Шутливо попрекнул меня новый знакомый, и в глазах его при этом так и скакали весёлые искорки. – Теперь я понесу твои вещи, а то опять забудешь где-нибудь, и...

– Нет! – Резко возразила я. – Дай мне. Там очень ценные для меня вещи!

– А что ты ими тогда разбрасываешься, раз ценные? – Снова обиделся Вадим. – Хотя, в твоём состоянии... – Сменил он гнев на милость. – Ладно, побежали! Вон, наш троллейбус стоит!

Троллейбус одиноко скучал на конечной в ожидании пассажиров. Я была очень рада, что в нём есть свободные места, потому что неожиданно поняла, что ноги мои не просто гудят, а буквально отваливаются. Забылось как-то, что этой ночью я отмотала концерт.

– Вадим... – Обратилась я к своему спутнику. – Ты сказал, к вам в морг сегодня привезли криминальных...

– Ты хочешь попроситься со своим парнем? – Чутко угадал моё намерение ушлый медбрат, и я торопливо кивнула. – Выбрось из головы! – Обрубил он и отвернулся к окну.

Несмотря на жуткую усталость, я завелась с полуоборота. Да, кто он такой, чтобы распоряжаться моими чувствами

и желаниями?!..

Хм... Кто... Тот, кто может провести меня в морг, вот, кто.

Я погасила накатившую волну гнева и почти спокойно спросила:

– Почему?.. Почему ты так говоришь?

– Потому что твоего парня больше нет и...

– ...то, что я увижу – пустая оболочка, а душа его сейчас на небе...

– Брось! – Оборвал Вадим. – Не надо этих разговоров про оболочки. Человек жив, пока он дышит, чувствует, передвигается, разговаривает... После смерти это труп. Просто труп. Через неделю он превратится в такое... Лучше тебе никогда этого не знать и не видеть!

Он устало махнул рукой и отвернулся к окну. Я озадаченно молчала, любуясь затылком Вадика. Конечно, он знает о смерти гораздо больше, чем я или любой другой человек, далёкий от медицины, но всё же...

– Его больше нет, – повторил Вадим, неожиданно повернувшись ко мне лицом. – То, что ты, возможно, увидишь на столе в прозекторской – уже не он. Это просто кусок мяса, тронутого разложением. Ему всё равно, придёшь ты проститься с ним или нет. Ему вообще всё равно.

– А как же души? – Жалко спросила я. – Они, ведь, где-то есть, всё видят, понимают...

– Кто тебе это сказал? – Усталый взгляд, полный вселен-

ской мудрости, на таком молодом, симпатичном лице... Какой контраст!

– Ну, все так говорят.

– Как?

– Что у человека помимо тела есть душа, и она вылетает после смерти, чтобы продолжить жизнь в...

– Те, кто так говорит, видели это?

– Этого никто не видел! – Горячо заверила я Вадима, чувствуя себя первоклашкой, несущей у доски чушь вместо заданного урока.

– И чего тогда языком молоть, раз не видели? – Вадим усмехнулся и покачал головой. – Люди... Они, похоже, неисправимы!

Хотела что-то возразить, но возражать по большому счёту было нечего. Я сама, как и все остальные, ничего не знала и не знаю об устройстве мира, в котором мы живём и о том, что происходит после смерти с психикой, душой или чем-то ещё в этом роде. За сутки, проведённые тогда в обществе необычного парня по имени Вадим, я полностью утратила желание заниматься эзотерикой, либо шаманить каким-то ещё способом.

– Жизнь дана, чтобы жить, – говорит Вадим, – вот, и живи. Как ты проживёшь, это твой выбор. Я предпочту жить с пользой для других и для себя самого. Почему? Просто потому, что я человек. Если ты скотина – лазай по помойкам, а я не буду.

Нет, вы не подумайте, это он не меня называет скотиной. Это он так, в целом. Мы и сейчас дружим, и, надо сказать, Вадим мало изменился с тех пор. Разве что специализацию поменял. Кажется, он сделал это под моим влиянием, хотя, возможно, сыграла роль целая совокупность факторов. По крайней мере, о жизни и смерти он и сейчас примерно того же мнения.

Вадим Сергеевич Лунин сегодня один из ведущих специалистов Склифа. Его руки многих вернули к полноценной жизни, в том числе меня саму после перелома позвоночника, и это мотивирует сравнительно молодого доктора на новые свершения. Работая в морге, он никаких перспектив для себя не видел.

В тот далёкий, пасмурный и ветренный мартовский день Вадим привёз меня в больницу. Старательно обходя места, где он мог попасться на глаза некому загадочному Харону, провёл в медсестринскую травматологического отделения. Там трудились целых три его бывшие однокурсницы – Оля, Ира и Света. Посовещавшись, они решили выписать мне справку о том, что я якобы дважды попадала в больницу с разными диагнозами.

Три сестрички взяли... нет, не спички, а наборный штамп с наборной печатью, справочник медицинских учреждений и в два счёта смастрячили мне пару студенческих больничных листов, причём указали в них больницы, которых на самом деле не существует, вдобавок города вписали разные.

Телефоны в штампах молодые медики указали свои личные, чтобы в случае, если кому-то из преподавателей или руководства хореографического училища придёт в голову наводить справки, они могли полностью подтвердить факт моих попаданий в больницу.

Благословенное время развесистой липы – подделок, беззакония и наборных штампов! Тогда оно как раз подходило к своему логическому завершению.

Ещё три сестры во главе с братом на всякий случай накропали справку о смерти моего драгоценного родителя.

– У тебя есть такой близкий родственник, которого было бы не жалко, если он скопытится? – Поинтересовалась Оля.

Кажется, она самая циничная из своих товарок.

Я ответила утвердительно, а после мне пришлось диктовать ФИО папочки по буквам, над каждой из которых девочки долго и с удовольствием потешались. Ещё бы! Рихард Индулисович Винькеле! И, впрямь, обхохочешься.

Легенда была такова, что я, узнав о кончине отца, ломанулась в далёкий Краснодар, а там после похорон с моим здоровьем начали твориться жуткие вещи... Да, представьте себе, мне не жаль было «похоронить» человека, вписанного когда-то работницами ЗАГСа в моё свидетельство о рождении в графе «Отец». Если вам жаль, не повторяйте мой опыт, а я при случае поступила бы, хоть сто раз, точно так же.

После, весело хохоча, мы пили чай с принесённой сест-

ричками из дома выпечкой, кстати, сделанной ими собственноручно, и я тихо недоумевала про себя. Во-первых, как такое может быть, что двадцатилетние девчонки столько знают, умеют и так легко идут навстречу нелепым просьбам бывших однокурсников. Я думала, что подобная взаимовыручка существует только в кино и книгах, ведь, у нас, балетных, было бы всё с точностью до наоборот. Во-вторых, какого чёрта я сижу здесь и глупо улыбаюсь, когда мой парень... Впрочем, Вадим, ведь, объяснил мне, что его больше нет. Его просто нет больше нигде... И никогда, никогда я его больше не увижу... *Никогда и нигде...*

Я на секунду закрыла глаза и представила себе эти два слова повисшими в воздухе. Постепенно они начали разрастаться и заполнили собой всю комнату. Я очутилась там, *Нигде*. В *Нигде* были длинные узкие коридоры и зеркала, зеркала, зеркала... Я отражалась в них во всех, но как-то странно. В одном зеркале я была маленькой девочкой с розовыми бантиками на волосах и в перемазанном кашей фиолетовом переднике. Такие выдавали нам в детсаду на пятидневке, чтобы мы не «засвинячили», как выражалась няня Виолетта, чистую одежду во время еды, рисования и лепки.

В другом зеркале я была уже семилетней девочкой в тёмно-синей с белым воротничком школьной форме, в третьем худым, неуклюжим подростком в гимнастическом купальнике и трико, в четвёртом на мне был сценический костюм Жизели... Голова моя пошла кругом от всего этого разно-

возрастного зеркального беспредела. Я начала искать выход, и, кажется, даже нашла коридор, ведущий обратно в медсестринскую, но тут я заметила, что мне навстречу движется высокая мужская фигура. Я подумала, было, что это Вадим пришёл освободить меня из плена зеркал и помочь найти обратную дорогу, но, нет.

Парень, шедший навстречу, был очень тёмным шатеном, почти брюнетом. Слегка вьющиеся волосы красиво обрамляли полноватое, круглое лицо. Он приблизился, и я разглядела зелёные, словно у кота, глаза и яркие губы. Мне навстречу шёл Юра. У меня не было в этом никакого сомнения.

Я подбежала к нему, бросилась на шею и принялась целовать его губы, нос, щёки, шею. Я чувствовала кожей его щетинки, ощущала вкус его губ. Кажется, это продолжалось вечно. Целую необычайно красивую, сказочную вечность! В ответ Юра грустно улыбался и бережно сжимал меня в объятьях. На нём были тёмно-коричневый костюм и бежевая рубашка без галстука. Он всегда одевался стильно и с большим вкусом. Я целовала и целовала любимого, напроць забыв о том, что нас теперь разделяет.

Наконец, оторвавшись от него, я тихо произнесла, глядя прямо в сверкающие изумрудами родные глаза:

– Юрочка, пойдём домой.

– У нас нет дома, – возразил Юра, и голос его прозвучал необыкновенно мелодично и грустно.

– Будет когда-нибудь, – пообещала я. – Только давай вы-

беремся отсюда! Мне здесь душно.

Я и впрямь начала ощущать страшную духоту.

– Это потому, что тебе здесь нельзя, – объяснил Юра, и глаза его наполнились слезами.

– Тебе тоже здесь нечего делать! – Горячо возразила я и снова почувствовала себя первоклашкой, несущей у доски чушь. – Пойдём! Хочешь, завяжем с криминалом и всем таким прочим, – я заметила, что говорю словами Вадима, – вернёмся в Москву, я окончу училище, ты в универе восстановишься...

– Нет, – покачал головой Юра.

Слёзы капали на воротник его рубашки, но он не утирал их. Он смотрел на меня во все глаза, словно старался запомнить на всю... Жизнь? Смерть? Вечность? Я не знаю!

– Пойдём, – упрямо тянула я его за руку. – Мы должны быть вместе! Я пропаду без тебя!

– И я без тебя пропаду. Уже пропал... Мне нет пути назад... Уходи! – Рывкнул вдруг Юра не своим голосом. – Уходи! Тебе здесь нечего делать! Ты думаешь, так легко быть мёртвым?!

– Я согласна, – промямлила я, задыхаясь. – Согласна быть мёртвой... Только чтобы здесь... С тобой... Хочешь, я останусь с тобой? Мне не жаль жизни. Мне ничего не жаль. Никого не жаль. Я ничего там не забыла...

– Забыла, – горько возразил Юра. – Ещё как забыла, Илонка, милая. Ты, ведь, не все свои партии станцевала!.. Иди,

Илонка... Иди обратно и танцуй... Люби... Дыши...

– Дыши! Только дыши! – Заорал другой мужской голос мне прямо в лицо, и я ощутила мерзкий запах нашатыря.

Глава 8

Я отпрянула и открыла глаза. Они, оказывается, всё это время были закрыты. Вадим тряс меня за плечи, а по комнате носились, как угорелые, Оля, Ира и Света. Шарфик мой валялся скомканной тряпкой на полу медсестринской, а блузка расстёгнута почти до пояса, но мне наплевать. Мне на всё в тот момент было наплевать, потому что меня разлучили с любимым. Ну, кто их просил? Как им в голову такое пришло? И что за несусветицу нёс он сам в нашем с ним зеркальном Нигде? При чём тут идиотские балетные партии, когда мы не можем больше быть вместе? Точнее, могли бы, но он прогнал меня! Он меня предал! За что? Что плохого я ему сделала?

Слёзы градом катились по моим щекам, но сил на рыдания и всхлипывания не было.

– Если так дальше дело пойдёт, ты и впрямь загремишь в неврологию с диагнозом, – мрачно пообещала Света. – Несчастливым шарфиком чуть не удушилась... Что тебя дальше ждёт? Кошмар!

Я ещё не встречала человека, которому до такой степени не шло бы его имя. Света – темноглазая брюнетка, мрачноватая и молчаливая. Она красила в ту пору глаза перламутровыми фиолетовыми тенями с чёрной подводкой, и от это-

го её взгляд делался ещё более устрашающим.

– Хватит её пугать! – Выдохнул Вадим. – Не видишь, в каком она состоянии? У неё парня сегодняшней ночью убили!

– Йоксель-моксель! – Отозвалась Светлана своим глубоким голосом. – Так, может, нам его надо было в справке-то указать? По крайней мере, это была бы правда...

– Он ей никто! – Возразил Вадик. – Ей это в училище не пролезет!

– Вы, должно быть, знаете друг друга с детства? – Подала голос Ирочка. – Ты так ей помогаешь!

Мне показалось, что Ириша из тех девушек, кто без ума от игр в мисс Марпл. Однако тут она попала пальцем в небо. Оказывается, о человеке можно узнать буквально всё за пару часов, проведённых вместе. Главное, прихватить с собой саратовца. Он задаст правильные вопросы. Ещё он обязательно начнёт тебя спасать, и неважно, что вы едва знакомы. Отказ от помощи равносителен страшному оскорблению.

Вадим что-то хотел сказать, но не успел, потому что дверь в медсестринскую распахнулась, и на пороге возник долговязый, костлявый доктор с пронзительно-голубыми глазами. Вадим почему-то вскочил и вытянулся во фрунт.

– Оля, Света, девочки мои, – начал он мягким голосом, – пойдёмте со мной. Нужно срочно помочь ребятам в прозекторской... Кстати, здравствуйте, Вадим. Вроде бы мы сегодня с вами ещё не виделись...

Кажется, последний вывод долговязого медика был от-

крытием для него самого.

– У меня сегодня выходной, Сергей Борисович, – напомнил Вадим.

– Повезло вам! – Вздохнул доктор. – А у нас в морге такое! Не желаете ли взглянуть?

– Я бы с радостью, но мне в институт к двум часам, – ответил Вадим, замявшись.

– Сейчас только четверть первого, – сообщил Сергей Борисович, бросив взгляд на наручные часы, – вы успеете. А кого это вы там прячете? Что за очаровательное голубоглазое создание? – Это он обо мне. – Практикантка?

У меня моментально созрел план. Сейчас я назовусь практиканткой, проникну в морг и...

Ступню мою неожиданно пронзила боль, показавшаяся на тот момент адской. Это Вадим, разгадав мой хитроумный манёвр, придавил своим тяжеленным ботинком мою стопу. Я вскрикнула.

– Ой, прости, Илонка, – невинно произнёс он, глядя мне прямо в лицо своими большими карими глазами, сделавшись вдруг настолько чёрными и страшными, что я невольно отпрянула.

– Что же вы так неаккуратны с барышнями? – Мягко попрекнул Сергей Борисович. – Пойдёмте, Вадим, буквально на полчаса. Уверяю вас, за эти тридцать минут вы получите бесценный опыт!

И они ушли, непринуждённо беседуя о своём, медицин-

ском, а я осталась в сестринской с Ириной. Вскоре её тоже позвали к больному, и я очутилась один на один со своими несчастьями.

Я думала о том, что долговязый доктор, должно быть, и есть тот самый Харон, о котором упоминал Вадим в нашей утренней беседе. Странно. Я не думала, что патологоанатом может быть таким мягким и интеллигентным. Когда мне говорят о патологоанатомах, я представляю обычно невысокого, полноватого дядечку в клеёнчатом переднике с карими циничными глазами и стрижкой ёжиком. Что-то вроде мясника, одним словом. Харон похож на музыканта симфонического оркестра, но никак не на мясника или сотрудника похоронного бюро. Только медицинская униформа выдаёт в нём доктора.

Я поймала себя на том, что рассуждаю о пустяках, в то время как надо бы подумать о чём-то более насущном. Передо мной на стуле висел сиреневый пакет. Когда мы прибывали на очередную «хату», Юра сдавал ценные вещи и деньги. Доверяя ценности смотрящему, имеешь больше шансов получить их назад в целости и сохранности. Вот, и в этот раз «честный вор» Серёга вернул то, что было сдано ему на хранение. Видимо, он оставил пакет в кафетерии, уходя. Я совершенно упустила этот момент, как и многие другие в то утро.

Раскрыв пакет, я извлекла оттуда коричневую замшевую сумочку. Это была мужская сумочка очень старого образца.

Кажется, с такими сумками на запястье расхаживали щёголи восьмидесятых, я на фотографиях видела. Её бока были за-лоснившимися до черноты, а застёжка подавалась очень ту-го.

«Ты не хочешь раскрывать мне свои тайны, Юра!» – Подумала я с горечью, но всё же надавила на замочек и он, оби-женно щёлкнув, нехотя открылся.

Я перевернула сумочку над столом и потрясла ею. На стол, звякнув, выпала старая, замызганная эмалевая брошка в ви-де букетика, кажется серебряная, и прозрачный пакет с дву-мя золотыми обручальными кольцами. Кольца были рифлё-ными и не очень широкими, прямо как я люблю.

Я сперва подумала, что это вещи, выигранные Юрой у ка-ких-то в пух проигравшихся лохов. Те обычно под конец иг-ры швыряют на стол, что ни попадя. Иногда даже свидетель-ства на квартиры и дома бросают, но Юра никогда не согла-шался играть на жильё.

– Оставить человека без дома – последнее дело! – Всегда говорил он.

Так странно! Бездомный, неприкаянный Юра, для кото-рого выиграть свою «хату» – пара пустяков, никогда не играл на жильё. Он словно упивался своей бездомностью, и даже в последнем нашем запредельном разговоре вспомнил, что у нас с ним нет дома.

Приглядевшись к броши и кольцам, я поняла, что эти ве-щи не имеют к игре никакого отношения. Брошь – жуткое,

облезлое барахло. Позже выяснилось, что она принадлежала его покойной бабушке. Кольца были новые, с этикетками и чеком из магазина. Дата на чеке подсказала, что куплены они буквально позавчера в самом крупном ювелирном магазине Саратова.

Интересно, зачем. Неужели Юра собирался делать мне, пятнадцатилетней сопле, предложение?

Неожиданно пронзила догадка: любимый хотел повенчаться со мной! В церкви в то время документов не спрашивали, а Юра... Это прозвучит до безобразия странно, но он был очень набожным. Не знаю, как и о чём он договаривался с Отцом Небесным, но он регулярно молился и всегда выбирал время для походов в Собор. Да, что там Собор! Юра ни одну деревенскую церквушку ни разу не оставил своим вниманием в наших странствиях.

Мы с ним жили во грехе, и он неоднократно говорил об этом. Видимо, незадолго до смерти он решил с себя этот грех снять, но, не судьба.

Почему то место, где мы беседовали с Юрой в последний раз, не было похоже ни на ад, ни на рай? А, может, было, но я не заметила ни ангелов с крыльями, ни чертей со сковородкой. Впрочем, Вадим прав: этого никто никогда не видел. Всё наши домыслы и фантазии.

Я вертела в пальцах облезлую брошь-букетик и задавалась вопросом, кому она могла принадлежать. Подумала, что надо будет спросить об этом мать Юры. Мне придётся поехать

к ней и рассказать о последних месяцах жизни её сына. Больше это всё равно некому сделать.

Кроме потёртой сумочки в пакете лежал газетный свёрток. Его можно не распаковывать, я и так знаю, что в нём деньги. Точная сумма мне неизвестна, но она достаточно солидная. Этого хватит, чтобы оплатить, например, пару месяцев аренды однокомнатной квартиры в Москве. Если меня выкинут из училища, а меня, скорее всего, выкинут, пойду работать на рынок и снимать однуху в какой-нибудь дыре, где подешевле. Устроюсь в вечернюю школу, сдам на аттестат о девятилетнем школьном образовании, а летом отправлюсь пытаться счастье в театральных и цирковых училищах. На первое время мне должно хватить тех денег, что я заработала прошедшей ночью своим липовым концертом.

Если же в училище простят мой шизофренический побег, буду вкалывать у станка, как лошадь. Все жилы порву, чтобы...

Чтобы что?

Станцевать все партии, как сказал в том странном сне или галлюцинации Юра? Чтобы завоевать все возможные награды? Получить звание Народной Артистки?

Я ненадолго впала в ступор, а после на меня внезапно снизошло понимание, что я в кои-то веки сама решаю, как мне поступить. Никто не говорит мне, что делать. Это было неожиданно, волнующе, захватывающе. Именно в тот момент я почувствовала себя по-настоящему взрослой.

Взрослость наступает не тогда, когда лишаешься невинности в объятиях любимого. Даже не тогда, когда сбегаешь из дома и сам себя обеспечиваешь, перебиваясь абы какими заработками. Это тот момент, когда ты берёшь на себя ответственность за свои поступки и, самое главное, их последствия.

Я готова была ответить за всё, что натворила. Готова взять в руки большую лопату и начать разгребать последствия моих сказочных по своей глупости действий и решений.

Глава 9

В тот день я перекантовывалась в больнице. Вадим обещал зайти за мной вечером и устроить на ночлег.

Конечно, я могла бы, не дожидаясь его, уехать в Москву или переночевать в гостинице, но отказаться от помощи означало обидеть этого замечательного парня. Да и, отбудь я тогда домой по-английски, я, во-первых, навсегда потеряла бы Вадика как друга, во-вторых, наши жизни – и его, и моя – пошли бы совсем по-другому, и неизвестно, было бы это лучше или нет. Скорее всего, нет. К тому же, я надеялась попасть в морг, несмотря на все запреты и предостережения нового друга.

Я залезла в покосившийся, старый шифоньер советского образца, притулившийся в углу медсестринской, основательно там пошвырялась и извлекла на свет вполне сносный и даже почти чистый белый халат. Он был велик мне всего размера на два, и лишнее легко убиралось прилегающим

к нему пояском. Теперь я выглядела как типичная практикантка медколледжа.

Как пройти в морг, с радостью объяснила пожилая, полная медсестра. Она даже дорогу показала, вслух сочувствуя мне по поводу того, что я отстала от группы и заблудилась. Конечно, я с ней не спорила. Зачем?

В морге как раз обреталась группа студентов. Кажется, это были взрослые студенты возрастом за двадцать. Я не очень вписывалась в их компанию, поэтому, прикинувшись санитаркой, подхватила в подсобке швабру и отправилась прямым ходом туда, где на полках лежали отработанные человеческие тела.

Почему-то назвать их трупами я не могла даже мысленно. Юра, ведь, не труп. Он мой любимый мужчина. Вот, и эти некогда принадлежавшие живым людям тела были чьими-то любимыми, родителями, детьми, братьями-сёстрами... Просто они отыграли свои роли и сняли сценические костюмы, отправившись туда, в странное, неведомое закулисье нашего мира.

В полуподвальном помещении горели довольно слабые лампы дневного света и стоял странный запах. На этот случай у меня был припасён тот самый лёгкий шарфик, которым я чуть не удушилась во время нашего с Юрой странного свидания среди зеркал.

Я обвязала шарфом нижнюю часть лица и двинулась по часовой стрелке вдоль стеллажей, решив рассматривать

поочерёдно бирки на ногах всех покойников. Мне казалось, что Юра должен быть отмечен как неопознанный.

Мёртвая плоть не навевала ни ужаса, ни священного трепета. Не вызывала она и особого отвращения. Разглядывая бирки, а попутно и ноги покойников, я поражаюсь их каменной неподвижности. Вроде бы всё логично – покойник пребывает в покое, но мы привыкли представлять это умозрительно, а реальное мёртвое тело совсем не такое, как нам видится.

Год назад мы с мамой и сестрой хоронили бабушку, но это было совсем другое. Её привезли из морга в наш старенький дворик одетой и запакованной в гроб. Она была словно отделена от нас, живых, неким прозрачным барьером. Мы с сестрой так и не решились трогать, а тем более целовать эту пустую (Пусть Вадим простит меня!) оболочку. Мама не настаивала, а соседям было попросту наплевать. По соседству с нами проживают в основном алкаши и древние старушки. Непьющие люди трудоспособного возраста в подавляющем большинстве нашли способы выбраться из коммуналок.

– Что вы здесь забыли, юная леди? – Мягко влился в уши негромкий мужской голос.

Он словно пригвоздил меня к месту. Тело окоченело, замерев с приподнятой над одной из бирок правой рукой. Нечеловеческим усилием разогнувшись до нормального положения, я обернулась и увидела застывшего в дверях Харона. Он стоял, опершись на косяк, и спокойно смотрел на ме-

ня своими огромными, голубыми, чуть усталыми глазами.

Почему-то сделалось жаль его. Мне подумалось, что этот человек пережил недавно какую-то трагедию, и, как оказалось позднее, я была права. Вадим рассказал вечером того странного дня, что около двух лет назад от его начальника ушла жена, прихватив с собой двух дочек. Ушла не просто так, а к другому мужчине. История развода была долгой, драматичной и некрасивой.

– Я ищу человека... то есть, этот, как его... – Зачастила я, и слова выстреливались из меня, словно горошины из трубки-плевалки.

Шарфик пришлось спустить на шею, и нос моментально наполнился тем специфическим, пугающим запахом.

– Вы ищете труп, – догадался Харон, и я торопливо кивнула. – Труп вашего знакомого, надо полагать.

Снова кивок, отозвавшийся резкой болью в шее, потому что она затекла от бесконечных манипуляций с бирками.

– Как его зовут?

– Юра, – выдавила я из себя. – Юрий Бердников... Я не уверена, что он опознан.

Слёзы подкатывали к горлу, но я запретила себе плакать. Да, и сама обстановка не располагала к проявлению бурных эмоций.

– Он идентифицирован, – буднично сообщил Сергей Борисович. Я, наконец, вспомнила его имя-отчество. – Паспорт был при нём. Правда, я не уверен, стоит ли вам смотреть

на это... Сколько вам лет?

– Восемнадцать, – соврала я, не моргнув глазом.

– Странно, – констатировал доктор. – Выглядите лет на пятнадцать не больше... Впрочем, это неважно. Кем вам приходится этот молодой человек? Вы в курсе, что он москвич?

– В курсе, – кивнула я. – Сергей Борисович, что с ним случилось? Скажите ради Бога!

– У вашего знакомого отстрелена почти вся левая половина головы и лица. Пуля, видимо попала в затылок. Калибр был достаточно крупным, чтобы превратить его лицо... Сами понимаете. Вы, ведь, будущий медик. Правда, смотреть на трупы в анатомическом театре – это одно, а видеть в подобном состоянии дорогих нам людей – совсем другое.

Патологоанатом упорно принимал меня за практикантку медколледжа, и я не собиралась с этим спорить. Я вообще не собиралась с ним спорить ни по каким вопросам, кроме одного.

– Я хочу проститься с ним! – Упрямо заявила я.

– Да, понимаю, – легко согласился Сергей Борисович. – Его родные, скорее всего, захотят похоронить парня дома, в Москве. Вряд ли вы поедете туда на похороны. Родители могут не отпустить... Давайте договоримся так. Я покажу вам его не полностью. Без лица. Идёт?

Я напряжённо кивнула. Голова моя сделалась внезапно чугунной. Кажется, в тот момент я согласилась бы на что

угодно вплоть до смертной казни для себя любимой. Недосыпание и стресс периодически вырывали меня из действительности и уносили неведомо куда.

Сергей Борисович велел мне ждать, отвернувшись к двери в коридор, а сам ушёл к дальнему стеллажу в углу помещения. Он довольно долго возился там, но я не испытывала нетерпения. Напротив, меня охватил страх от предстоящей встречи с мёртвым телом любимого. «Пусть он возится подольше!» – Подумала я о долговязом докторе.

– Всё готово, идёмте, – негромко позвал он, и я подошла на подгибающихся ногах к стеллажу с выдвинутыми носилками.

На них покоилось обычное мужское тело. Сергей Борисович закрыл простыней его голову и деликатно прикрыл какой-то тканью в мелкую звёздочку интимную зону. Мог бы и не делать этого, но откуда ему было знать, в каких отношениях я состояла с этим парнем при его жизни? Деликатность выдавшего вида медика, судя по всему, была воистину безграничной.

Если бы не восковая бледность кожи и не та каменная неподвижность, о которой я уже писала, можно было бы принять лежащего на носилках человека за спящего. Это так и было с той лишь разницей, что от такого сна не просыпаются. Интересно, мёртвые видят сны? Может быть, то, что привиделось мне накануне в медсестринской, и было сном Юры, который каким-то непостижимым образом передался мне?

– Юра... Юрочка... – Сдавленно прошептала я, беря его за руку.

Рука на ощупь была похожа на кусок пельменного теста, положенного зачем-то в холодильник. До меня дошёл весь смысл жутких слов Вадима о том, что тело, лежащее на столе в прозекторской, уже не человек, которого ты знал, а просто труп. О том, что случится с ним через неделю, месяц, год, думать совсем не хотелось, но эти мысли сами закружились в голове стаей наглого, изголодавшегося воронья.

– Сергей Борисович! – Позвал из коридора простуженный мужской голос. – Можно вас на минутку?

– Побудьте с ним немного, если хотите, – бросил мне на бегу доктор. – Только без глупостей, ладно?

– Без глупостей... – Повторила я эхом в удаляющуюся длинную спину, задрапированную поношенной тканью не совсем белого халата.

Я стояла, сжимая руку, принадлежавшую когда-то любимому мужчине, а из коридора доносились голоса медиков, совещающихся о чём-то непонятном. Немного помедлив, я решилась.

Отпустив правую руку Юры, на безымянный палец которой мне никогда не надеть уже рифлёного обручального кольца, я двинулась в сторону изголовья носилок. «Каким же он был огромным!» – Мелькнула нелепая мысль. На самом деле рост любимого равнялся ста восьмидесяти сантиметрам. Чуть выше мужского среднего. Тогда же мне показа-

лось, что его тело длиной метра три, не меньше.

Ноги подгибались и не слушались. Моё тело отчаянно бунтовало против того, что я задумала, но ему некуда деваться, покуда я в нём хозяйка. Приблизившись вплотную, я ухватилась двумя руками за простыню, прикрывавшую лицо Юры, и начала медленно отворачивать её вверх.

Обнажилась шея с острым юношеским кадыком, усыпанная тёмными точками пробивающихся щетинок. Мягкий, широкий подбородок с выраженной подгубной ямкой. Красиво очерченные губы, превратившиеся из гранатовых по цвету в синевато-белые. Они были сложены в самую горькую на свете складку. Видимо, на лице любимого застыло выражение скорби от того, что происходило в квартире на момент его страшной, нелепой смерти. Цвет и вид хорошо знакомых губ ввёл меня в ступор, и я замерла, перестав поднимать ткань старой, застиранной простынки.

«А что ты здесь ожидала увидеть, дура? – Спросила я себя со злостью. – Персиковый румянец? Радостную улыбку?»

Наплевав на душивший меня запах мертвецкой, я вдохнула, выдохнула и тихонько потянула края простынки дальше. Показалась резкая носогубная складка. Она не была такой при жизни. Напротив, эта складочка была очень мягкой и едва заметной. Я слышала, что смерть обостряет черты лица, но чтобы до такой степени!..

Кончик небольшого, аккуратного носа Юры стал похож на остриё птичьего клюва, но я запретила себе удивлять-

ся и возмущаться этому. Я уже поняла, что любимого лица больше нет. Я не увижу его... Никогда... Нигде...

«Так надо ли смотреть, что там дальше? – Спросил напряжённый внутренний голос. – Доктор сказал, ведь, что половина лица...»

Тут я чуть не упала в обморок от охватившего меня животного ужаса. Хорошо, что посетила дамскую комнату перед тем, как отправляться сюда, иначе лужа на полу была бы обеспечена. Дело в том, что посреди моих страшных манипуляций и скорбных раздумий кто-то тихо подошёл сзади и обхватил меня со спины твёрдыми, тёплыми руками.

– Отпусти простынку! – Тихо скомандовал мягкий голос над ухом. – Вот... Правильно... Умница... А теперь поворачивайся ко мне лицом... Вот, так. Пойдём отсюда.

Глава 10

Минут через двадцать, вдоволь наревевшись под мягкие, ненавязчивые нотации Сергея Борисовича, я сидела за столиком в уголке отдыха для сотрудников морга и сжимала в руках чашку горячего чая. Её жар был приятен, как никогда.

Напротив расположились двое медбратьев, молоденький Артур и пожилой, как мне тогда показалось, Виктор. Думаю, ему было в то время слегка за тридцать. Сергей Борисович тоже присоединился к нам, и мы пили чай с конфетами вчетвером. То есть, по-настоящему пили чай медики, а я только делала вид, что пью, а на самом деле наслаждалась немного

обжигающим теплом чашки и обществом живых людей.

До этого момента своей жизни я не представляла, насколько все живые красивы и грациозны! Даже пухленькие, как Виктор, даже угловатые, как Артур, даже длинные и нескладные, как Сергей Борисович!.. Вот, что делает с человеком экскурсия в царство мёртвых тел!

Мы говорили на отвлечённые темы, и я была благодарна за это доктору и медбратьям. Ещё я была невыразимо благодарна Сергею Борисовичу за то, что удержал меня от крайне неумного шага.

– Там почти нет человеческого лица, – мягко увещевал доктор, когда я начала постепенно отходить от шока, который сама же себе и устроила. – Как будущий медик и как разумный человек ты должна понимать это. Сейчас ты удовлетворишь своё глупое любопытство, а потом... Ты знаешь, что будет потом?

– Что будет... ых.. ых... п-п-потом? – Прохлюпала я, заикаясь.

– Потом нечто, в которое превратился после смерти твой добрый знакомый, будет являться тебе в кошмарных снах до конца жизни! Люди покрепче нас с тобой сходят с ума от подобных вещей! Тебя посадят на снотворное, антидеп-ры, амфетамины!.. Тебе это надо?

– Н-н-нет! – Покачала я сквозь слёзы головой.

– Вот, и выброси свои фантазии из головы! Просто запомни его нормальным, живым человеком. Продолжай от-

носиться к нему так же, как и при жизни, только помни, что вы теперь в разлуке. Если верующая, поставь за него свечку в храме, помяни в годовщину. Всё. Больше ничего не надо, иначе умом тронешься!..

Он ещё немного поговорил на эту тему и, видя, что я успокоилась, повёл пить чай. Вскоре к нам присоединился вернувшийся из института Вадим. Увидев мои заплаканные глаза, он так на меня зыркнул, что я чуть снова не разревелась. С трудом взяла себя в руки, приняв необходимость рассказать потом ему всё, как данность. Он, ведь, не отвяжется, пока не расскажу.

Около девяти вечера мы с Вадимом покинули гостеприимную саратовскую больницу и отправились на остановку.

– Ваша больница единственная в городе? – Спросила я, втайне надеясь на отрицательный ответ, который не заставил себя ждать.

– Ты что? – Спросил Вадим обиженно. – У нас в городе населения почти миллион! Как здесь может быть одна больница на весь город?

– А какие ещё есть? – Начала я откровенно морочить Вадиму голову, чтобы он как можно дольше не приставал ко мне с расспросами о том, что я делала в его отсутствие.

Пусть Сергей Борисович завтра сам ему расскажет. Я буду уже далеко, и это избавит меня от поучений Вадима.

Увлекательнейшего рассказа о больницах родного города моему другу хватило почти до дома. Я внимательно слушала

и время от времени задавала наводящие вопросы, чтобы он говорил как можно дольше.

– Куда мы идём? – Вежливо поинтересовалась я, подходя вслед за Вадимом к подъезду кирпичной девятиэтажки, расположенной почти в самом центре.

– Ко мне, – ответил Вадим буднично.

Я растерялась. По правде сказать, я думала, что он устроит меня на ночлег к Оле, Ире или Свете. После того, что они для нас сделали, им, думаю, ничего не стоило приютить меня на ночь.

– А это удобно? – Засомневалась я. – У тебя, ведь, наверняка есть девушка да, и родители...

Горький смех Вадима прервал моё «выступление».

– Больше всего мне понравилось слово «наверняка», – объяснил он свою реакцию спустя примерно минуту. – Наверняка ударил однажды снаряд в походный палаточный госпиталь...

Он замолчал, уставившись своими огромными глазами куда-то в темноту около подъездного палисадника.

– И, что? – Спросила я с нетерпением, за которое ругала себя потом последними словами очень долго.

– Ничего, – выдохнул Вадим устало. – Ничего, кроме того, что там в это время трудились мои родители. Они оба были военными медиками. Дело было в Чечне.

Надолго воцарилось молчание, изредка нарушаемое шумами соседних улиц и домов.

– Вадюша... – Позвала я его, в конце концов, решившись. Вадим резко повернул голову в мою сторону. Вид его был настолько несчастным и усталым, что я едва не бросилась парню на шею с сопливыми утешениями; с трудом сдержалась. – Прости меня, Вадим, – произнесла я отчётливо, ловя взглядом его чёрные с фиолетовыми отблесками глаза. – Я ничего не знала о твоей семейной ситуации. Ты не рассказывал.

– Мы, саратовцы, не трепливы! – Бросил он с гордостью.

– Да, это правда, – согласилась я.

Действительно, ни Вадим, ни девочки, ни Сергей Борисович со своими медбратьями ничего о себе не рассказывали. Они в основном либо говорили по делу, либо задавали вопросы. Бесчисленное множество вопросов.

– Я живу с бабушкой, – выдал вдруг Вадим.

– А как она отнесётся к тому, что ты привёл девицу, на ночь глядя?

– Нормально отнесётся. У меня нередко кто-то из друзей ночует. Бабушка переживает, что у меня кукуха съедет от горя и переутомления, и никогда мне ничего не говорит, что бы я ни сделал. Впрочем, ничего дурного я не делаю. Я же не скотина. Пойдём.

Бабушка Вадима – стройная, пожилая дама с кипенно-белым каре – встретила нас в прихожей так, словно ночной визит молодой девушки в их дом – самое обычное дело.

– Валентина Петровна, – представилась она.

– Илона, – ответила я, сжавшись внутренне.

Слишком свежи ещё были воспоминания о реакции её внука на моё имя.

– Эстонка? – Невозмутимо поинтересовалась Валентина Петровна.

– Нет, русская, – ответила я, краснея. – Папа был латыш. Наполовину...

– Был? – Переспросила пожилая дама сочувственно.

– Да, – ответила я. – Недавно умер. В Краснодаре. У меня и справка имеется... Показать?

– Нет, ну, что вы, деточка! – Замахала на меня руками бабушка нового друга. – Очень сочувствую вам, но зачем мне ваша справка? Вадим, покажи гостье квартиру, мойте руки и идите ужинать. Там всё на плите. Я смотрю «Клон»... Извините, очень уж интересный сериал! – Завершила она с улыбкой, похожей на отблеск ноябрьского Солнца, и отправилась в свою комнату.

Я обратила внимание, что одета Валентина Петровна в длинный, до пола, велюровый тёмно-бордовый халат с поясом. Он очень красиво подчёркивал её осиную талию. Это выглядело живописно и аристократично. В Саратове женщины одеваются хорошо и со вкусом, многие даже дома.

Мы с Вадимом обошли всю просторную четырёхкомнатную квартиру. Он показал гостевую комнату, в которой мне предстояло провести ночь. Она была похожа на кабинет учёного или писателя. Ещё Вадим ознакомил меня с расположением санузлов и кухни, спросил, удобно ли мне будет спать

на диване, а не на кровати. Конечно, я ответила утвердительно. Не хватало ещё капризничать в гостях у этих замечательных людей!

– Зря ты так с этой справкой! – Неожиданно выдал Вадим, когда мы уселись ужинать картофельным пюре с восхитительными домашними котлетами и соленьями.

– Прости! – Я опустила голову, уткнувшись взглядом в чистую светло-зелёную клеёнку с цветочками. – Я не знала, что говорить, вот, и ляпнула первое, что пришло в голову.

– Когда у тебя умирает близкий родственник, последнее, что хочется делать, это получать какие-то справки, а тем более демонстрировать их всем и каждому! – Резко произнёс Вадим, но тут же сам себя одёрнул. – Извини, Илонка. Я сегодня очень устал.

– Понимаю, – протянула я. – Ты забегался: учёба, работа, криминальные... Тут ещё я накачалась тебе на шею...

– Ты не накачалась, – ответил вдруг Вадим с жаром. – Благодаря тебе я понял сегодня многие вещи. Они свербели в мозгу, не давали покоя, а ты появилась, и всё стало на свои места. Давай ужинать. Приятного тебе аппетита.

Два раза упрашивать меня не пришлось. Я и сама не подзревала, насколько была голодна.

Глава 11

Вкусный домашний ужин, как ни странно, не нагнал сна, а, напротив, пробил нас на разговоры. Я вызвалась помыть посуду, а Вадим рассказывал мне о своих родителях и дру-

гих родственников, в основном, тоже покойных. Он говорил о них обо всех без боли, так, словно они уехали куда-то на время, и скоро должны вернуться.

Оказалось, Вадик рос в семье потомственной интеллигенции. Он медик в пятом поколении. Ещё в их роду были архитекторы, музыканты, поэты. Все они многое сделали для родного города на Волге.

Вадим признался, что тоже иногда пишет стихи.

– Почитаешь? – Спросила я зачарованно.

Парень смутился.

– Они вряд ли тебе понравятся.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, девушки обычно любят стихи о чувствах, о природе, о голубках каких-нибудь. В общем, что-то красивое.

– А твои стихи о чём?

– О жизни.

– Мне кажется, что это гораздо интереснее, чем о сердечках с голубками и о любви с цветочками, – возразила я.

– Хорошо. Тогда я прочитаю тебе своё стихотворение, но только одно. Идёт?

Я согласилась, и Вадим около часа читал мне свои стихи. Одним, конечно, дело не ограничилось, целый творческий вечер получился.

Я слушала стихи своего двадцатилетнего друга, и мне казалось, что писал их очень зрелый человек. Вадиму пришлось рано повзрослеть.

Одно стихотворение особенно запало в душу:

*Хоть во лбу семь пядей,
Хоть в спине семь жил,
А иметь ты будешь
То, что заслужил.*

*Хоть кулак пудовый,
Хоть сажень в плечах,
Всё равно терзают
Боль тебя и страх.*

*Хоть виски в сединах,
Хоть бы жизнью бит,
Но не факт, что будет
Ум тобой нажит.*

*Хоть ума палата,
Знаний пусть полно,
Если сердце пусто,
Человек... бревно.*

*Хоть в осколки сердце,
В пар горячий кровь,
А с другим уходит
Тайная любовь.*

*Хоть все чакры настезь,
Хоть четвёртый глаз,
Всё одно сокрыта
Истина от нас.*

*Хоть ты энергичен,
Как лесной олень,
Нападут однажды
Сплин хандра и лень.*

*Хоть богат, как Крез, ты
Иль седой эмир,
Не купить за деньги
Ни любовь, ни мир.*

*Хоть бедняк последний,
Хоть бы и богач,
Не минуют в жизни
Горести и плач.*

*Хоть обтренируйся
И не ешь почти,
Всё одно болезни
Будут на пути.*

*На дорогах жизни
Вам не плакать чтоб,
Помните, все ляжем
Мы когда-то в гроб.*

*Полнокровной будет
Каждого пусть жизнь,
И за что пусть будет
Жизнь свою любить.*

Я попросила Вадима принести мне ручку и листок, чтобы я могла переписать это стихотворение для себя.

– Я сам тебе его перепишу, – пообещал Вадим и обещание своё сдержал.

На другой день, провожая меня до автобуса, идущего в Москву, он вручил мне двойной тетрадный листок со стихотворением и своим автографом. Я перечитывала его в дороге раз пятнадцать. Этот листок, сильно затёртый и потрёпанный, хранится в моей квартире на Кожухе до сих пор. Я давно не перечитывала его, потому что помню наизусть.

В ту ночь Вадим рассказал мне историю своего шефа.

– Почему вы называете Сергея Борисовича Хароном? – Поинтересовалась я. – Он вовсе не мрачный и, вообще, милейший человек.

– А кто сказал, что Харон был мрачным? Возможно, он тоже был милейшим... существом. Просто Харон – проводник в царство мёртвых, и Сергей Борисович в некотором ро-

де тоже. Он проводник, а мы, медбратья и санитары, его помощники...

Вадим задумался, уставившись невидящим взглядом в пространство. Что он там видел? Ушедших родителей? Свою тяжёлую и страшную работу? Будущее?..

– Вадим, – окликнула я, и он, как всегда, резко повернул в мою сторону голову. – Тебе нравится работать в морге? Только честно!

– А тебе? – Ответил он вопросом на вопрос.

– Что «мне»? – Не поняла я.

– Тебе нравится, повторяясь до бесконечности, разучивать одни и те же движения?

– Из одних и тех же движений получаются разные танцы, – ответила я. – Вот, смотри...

Я поднялась с дивана в гостиной, куда мы переместились после ужина, и продемонстрировала Вадиму наглядно, как пять неизменных движений можно уложить в разные рисунки танца.

– Здорово! – Выдохнул он, когда я закончила. – Мне всегда казалось, что в танцах, музыке, да, и пении, в общем-то, творчества очень мало. Ноты, слова, движения – всё прописано... А, оказывается, даже в пределах прописанного можно проявить столько фантазии!..

– Да, – согласилась я, – и мне это нравится. Конечно, во время репетиции, особенно ближе к её концу, кроме жуткой усталости и злости ничего уже не чувствуешь, а после

неё даже на злость сил не остаётся. Это одна сторона процесса. Это как изготовление деталей. Дальше следует их сборка – из отдельных частей составляется танец или партия. Соберёшь не в том порядке, и всё, машина не едет, танца нет. Соберёшь плохо, получишь нечто рваное, ломаное, смотреть противно. Надо, чтобы всё было выполнено и собрано правильно, и чтобы зритель при этом видел лёгкость, непринуждённость, красоту, а не тяжёлый труд. Я люблю выходить на сцену и дарить зрителю радость и лёгкость. Я не всегда в восторге от процесса, но мне нравится результат. Именно ради него я одиннадцатый год учусь, вкалываю у станка, терплю боль... То есть, училась, вкалывала, терпела... —

Мой голос неожиданно сел и прервался. – Извини, – прохрипела я. – Просто я не знаю, что теперь будет... После того, как...

– Ты любила, – произнёс Вадим так, словно этот факт оправдывал всё. – Ты потеряла голову, и от этого тебе пришлось стать умнее. Такой, вот, парадокс. Спасибо тебе Илонка, – изрёк он вдруг с жаром. – Я всё понял окончательно. Я не вижу результата своей работы. Не получаю удовлетворения от процесса. Не хочу быть патологоанатомом. Хочу спасать живых людей и буду это делать!

Он подошёл и заключил меня в свои размашистые, тёплые объятия. Между нами ничего не случилось ни в ту ночь, ни в какую-либо ещё. Ничего, кроме тёплой дружбы, и я рада этому. Не хотелось бы испортить жизнь талантливому врачу

и просто хорошему человеку.

Сейчас у него есть жена, двое маленьких детей, устроенный быт. Я не могла бы дать ему этого всего ни пять лет назад, ни сейчас. Не могла не потому, что не хотела, а потому что у меня нет. У меня нет столько внутреннего тепла, чтобы делиться им с кем-то ещё.

Даже на себя одну не хватает, и потому я обхожусь с собой очень жёстко. Это даёт ощутимые результаты: выход в призы, призовые места на международных конкурсах, быстрая реабилитация после сложнейшей травмы, возвращение в профессию. Последние два факта удивили даже выдавшего виды доктора Лунина и его старшего друга и коллегу Максима Завадского, а они признанные корифеи современной травматологии.

Думаю, будь я более тёплой и доброй, ничего подобного со мной за жизнь не произошло бы. Вела бы кружок танцев в Доме детского творчества и спешила домой со своей толстой задницей на съёмную квартиру, какашки за детьми подтирать и проверять ненавистные уроки, вот, и вся жизнь. Да, ещё сумки десятикилограммовые в каждой руке забыла и рваные носки нищего мужа.

Хотя, возможно, я любила бы их всех, и моё существование не казалось мне таким уж беспросветным, кто знает. Однако любви нет. Тепла нет. Я похоронила свою любовь пятнадцать лет назад. Она разлетелась по ветру вместе с прахом того, что было некогда телом моего любимого мужчины.

Внутри моего сердца тоже прах. Прах и чернота. Чернота такая же горькая и беспросветная, как в уставленных на меня глазах главного хореографа.

Глава 12

– Мне наплевать, – произнесла я тихо и бесстрастно в ответ на его слова.

– На что тебе наплевать, несчастная? На то, что...

– На всё! – Отрезала я.

– Думаешь, Гладышев будет до конца жизни тебя содержать? Да, он...

– Он жив, благодаря мне, но это не имеет никакого отношения к моей работе. Я ухожу на пенсию. Как раз собиралась вам об этом сказать. Ещё собиралась звонить вашей жене...

– Зачем? – Вскинулся Молостовский, и в глазах его замелькали грязноватые ошмётки страха.

Какими уродливыми делаются люди, когда боятся и показывают свой страх! Главный сделался сейчас похож на крысу. Огромную, откормленную, домашнюю крысу, которую осерчавший за что-то хозяин держит над унитазом, чтобы смыть её туда, раз и навсегда избавившись от гнусных проделок.

– Так... Расскажу ей историю... Про одного дяденьку, который на днях по-крупному проигрался в карты, и теперь...

– Что «теперь»? – Прошипел мой собеседник, и в слабом свете коридорной лампочки сделался похож на зомбьяка перед броском на жертву.

Разница была лишь в том, что никакой жертвы, кроме него самого, здесь нет.

– Теперь этот дяденька ищет способ не возвращать долг и гнобит своего более удачливого партнёра по игровому столу, – невозмутимо закончила я.

– Кто партнёр? Ты партнёр? Ты баба!

– Да, хоть дед! – Возразила я ему в тон. – Просрал в карты – плати. Сам знаешь, кто не платит карточных долгов.

– Я был пьян! – Завёл свою любимую песню главный.

– Пьян до такой степени, что заключил в тот вечер выгодный для себя контракт? До такой степени, что заарканил самую красивую...

– Хватит! – Резанул Леонид Абрамович. Он больше не был похож ни на крысу, ни на зомбяка. Передо мной стоял сейчас просто сильно побитый жизнью хитрожопец, которому, как и многим другим из его породы, удалось в очередной раз обхитрить свой зад. – Такое ощущение, что моя власть уже ничего не значит для некоторых!

– Нет у тебя никакой власти, – произнесла я с усталым вздохом, – как и славы моей больше нет. Всё тлен, Леонид Абрамович, всё тлен...

– Ты к чему клонишь? – Спросил он тревожно и в то же время угрожающе.

– К закату, – серьёзно ответила я. – Все мы клонимся к закату. У всех в конце пути одно – яма разверстая...

– Хватит играть в жреца смерти! – Рявкнул Молостов-

ский страшным шёпотом. Он ужасно боится умереть. Видимо, нагрешил столько, что до медвежьей болезни боится Отца Небесного. – Что ты хочешь за своё молчание и отсрочку? Чтобы я оставил тебя в покое и дал тебе дальше изображать из себя корду, которой ты никогда не была и не будешь?

– Не подлизывайтесь! – Отмахнулась я. – Я вполне себе сносная, ничем не примечательная корда.

– Примечательная, – произнёс главный с тоской. – В том-то и дело, что примечательная. Неважно, сколько на сцене корд в одинаковых костюмах – шесть, двенадцать или двадцать четыре. Ты выглядишь среди них примой, и так будет всегда. Однако ты мне так и не сказала, что хочешь. Заявляю сразу – оставить тебя в покое не могу. Против тебя развёрнута страшная война, и я в ней только орудие. Я не могу называть никаких имён, но работать тебе здесь больше не дадут. Слушай, Вишневская, пожалей старика, а? Ты же знаешь, моя меня за этот долг сотрёт в пыль!

– Обещаю в ближайшее время свалить на пенсию! – Отчеканила я. – Мне самой невыносимо больно видеть, как Горностаева корячится на ведущих партиях, в то время как даже на корифейку не тянет, – глаза Молостовского зажглись огнями надежды. – Однако должок придётся выплатить! – Выстрелила я. – Отсрочек больше не будет, понимаете? Я сейчас уйду из театра, а после вы меня на порог не пустите и денег не отдадите. Знаю я вас. Вы меня тоже знаете. Я вас всё равно достану на каком-нибудь публичном мероприятии

и опозорю при этом так, что...

– Не надо! – Проныл Молостовский. – Я возьму кредит и отдам тебе этот несчастный долг. Только моей не говори ничего, ладно?

Молостовский очень хорошо зарабатывает, но хищная зверюга, доставшаяся ему в жёны как наказание за прошлые грехи, вытягивает всё до копейки, хотя и сама зарабатывает, будь здоров. В прошлом известная прима, Ирма Молостовская идёт нарасхват как хореограф. В основном, по заграницам работает.

Просто талантливые и работающие супруги умудрились вырастить двоих совершенно никчёмных отпрысков, живущих в возрасте тридцати двух и тридцати четырёх лет за родительский счёт вместе со своими жёнами и детьми. Меня не интересует, как и почему так вышло. Мы имеем только то, что заслужили на свою голову сами. Долг свой он тоже «заработал» сам. Мне даже склонять его к игре, а тем более мошенничать, не пришлось.

Интересно, чем я заплачу за свой карточный дар? Получу пулю? Не получу любви? Скорее, первое, потому что любовь у меня уже была. Моя любовь была такой, какая не снилась всем этим молодостовским с гладышевыми.

А, может, моя травма и вылет из первых рядов и есть та самая расплата за дар? Кто знает!.. Однако этот дар нередко меня выручает. Выручит и на этот раз. Через три дня Леонид Молостовский отдаст мне солидную сумму, которой мне од-

ной хватит, чтобы жить три месяца, не работая, так, как я привыкла. Если жить на эти деньги скромно, то их должно хватить на полгода, если не больше.

Это не считая двух моих запасных однушек на разных окраинах Москвы. Я сдаю их квартирантам, а цены за аренду жилья в столице сами знаете, какие. Арендная плата копится на моём секретном счёте, и я не пойду работать на рынок или побираться на вокзал, очутись я без работы и поддержки Гладышева.

Последний, кстати, может, катиться к собачьим хвостам уже сейчас, но я всё же намерена досидеть намеченный мной срок в полгода в его нелепом доме. Мало ли, какой попутный ветер подует вдруг в это время? Только первого марта я уйду в любом случае. Меня не остановят ни запоздалые признания, ни уговоры, ни подарки, ни обещания. Угрозами Гладышев вряд ли станет действовать, а если станет, то крупно об этом пожалеет. Я засуну ему его угрозы...

– И тебе не жаль? – Поинтересовался Абрамыч, явно пытаясь утопить меня в море вселенской скорби, плескавшемся в его много повидавших за жизнь глазах.

– Нет, – твёрдо ответила я. – Мне никого не жаль. Меня, ведь, никто не жалел.

– Я не о себе! – Отмахнулся Молостовский досадливо. – Работы своей не жаль? Профессии! Призвания своего!..

– Призвания? – Переспросила я и ненадолго задумалась. – Нет у меня никакого призвания, Леонид Абрамович! Меня

в пять лет мамка в хореографический интернат как сдала, так я ничего, кроме балета, и не видела. Вот, и всё призвание.

– Как и мы все! – Подтвердил со вздохом главный. – Ну, что ж, на пенсию, так на пенсию! – Резюмировал он весело. – Новогодние праздники отработаешь хотя бы?

– Не-а! – Радостно откликнулась я.

– Почему?

– Потому что я их в гробу видала!

Мы оба залились дурацким смехом.

– Понятно, – сказал Молостовский, просмеявшись. Он явно чувствовал облегчение от нашей с ним договорённости. – Медицинские документы...

– ...Лунин и Завадский подпишут, хоть завтра! – Заверила я его. – Они давно уже в шоке от моего поведения и постоянно зудят о смене деятельности.

– Хорошо иметь в друзьях таких докторов! – Похвалил Молостовский.

– Да, не то слово, как хорошо, – согласилась я.

Мне оставалось доработать до конца декабря, и можно не тащиться больше в постылый театр и не изображать из себя то, чем я никогда не была и не буду. Ни Гришке, ни его сестрице я решила ничего о своих делах не говорить.

Глава 13

Вернувшись домой, я застала Григория и Катюню в гостиной. Они пили кофе и о чём-то вполголоса переругивались.

– Слава Аллаху! – Промолвил Гришаня, едва я появилась

в дверном проёме. – Я уж думал, ты на весь день смоталась и вернёшься только после вечернего спектакля.

– Сегодня нет спектакля, – ответила я. – Я заезжала в несколько мест по своим делам после репетиции.

На самом деле этих мест было всего два: Склиф и супермаркет. Я заручилась обещанием Вадима насчёт нужных мне выписок, справок и прочей медицинской беллетристики, и мы немного поговорили о его семейных делах и наших совместных планах на новогодние каникулы. В супермаркете я покупала тёмный шоколад. Много-много тёмного шоколада для моих замечательных кексов.

– Мы тут как раз пытаемся обсуждать нашествие гостей в наш тихий, скромный домик, и эта противная девчонка...

– Ты сам противный! – Выпалила Катька, краснея. – Я не пойду замуж за этого старого старика!

Интересно, за кого это наша «барышня» так активно не желает выходить замуж. Гришка залился смехом. Смех – единственное, что мне в нём всегда нравилось. Даже если мой любовник шутит на самые отвратительные темы, либо глумится над кем-то, смех его звучит переливчато, радостно, по-мальчишески дерзко.

– Во-первых, Станислав Петрович вполне себе молодой ещё старик. Ему всего сорок два. Во-вторых, он не делал тебе предложения, следовательно, замуж за него выйти ты пока не можешь, даже если очень сильно захочешь...

– Не захочу! – Отрезала Катька. – Моё сердце занято! –

Выпала она и густо покраснела.

– О, как! – Весомо произнёс Григорий, поднимая вверх указательный палец. – Занято, значит! Прямо, как туалет в плацкарте!

Катька не знала, куда себя деть от стыда и бессильной злости.

– Гриша, это не смешно, – мягко произнесла я. – Топтать чувства девушки гадко.

– Это не девушка, – возразил Гришка, резко посерьёзнев. Не иначе, как задумал очередную «искромётную» шутейку. Последняя не замедлила себя ждать. – Какая же Катерина у нас девушка? Она у нас бомбовоз.

И Гришаня снова покатился со смеху над уничтоженной Катькой, которая, плача, убежала в свою комнату.

– Зачем ты с ней так? – Спросила я, когда приступ безудержного веселья подошёл к концу. – Она, ведь, твоя сестра, и кроме неё...

– Я не просил этого старого дурака её рожать, – серьёзно возразил Гришка. – А, если уж родили, не спросясь, да ещё и накачали на мою шею, пусть она будет добра делать, что я говорю. Должна же от неё быть какая-то польза!

– Станислав Петрович – это случайно не Кулинич? – Перевела я разговор на другую тему, ибо застарелые дразги Гладышевых меня интересовали мало.

– Да, он самый, – согласился Григорий. – Тебе тоже не мешало бы блеснуть перед ним талантами. Если у тебя полу-

чится очаровать его, возможно, он даст тебе роль в одном из своих спектаклей... Или даже не в одном!

– Принято, – слегка улыбнулась я, ликуя в душе так, что чуть искры из глаз не посыпались.

Ещё бы! Сам Кулинич! Он ставит модные нынче мюзиклы и старые, добрые оперетты. Я могла бы попробовать свои силы и там, и там.

– Вот, за что я люблю тебя, Илонка! – Похвалил Гришаня, поднимаясь с кресла и плюхаясь на диван со мной рядом.

Он обнял меня за плечи и поцеловал в щёку. Я ощутила крайне неприятный запах его пота. Опять он забывает принимать душ, возвращаясь домой! Язык уже оббила, говорить об этом! Впрочем, не стану беситься. Меня в любом случае скоро здесь не будет, и пусть из-за него выпрыгивает от злости из тапочек кто-нибудь другой.

– За что же ты меня любишь? – Бесстрастно поинтересовалась я.

Как будто человека и впрямь любят за что-то! Много ты понимаешь в любви, придурок!

– Сказали тебе, что надо очаровать Кулинича, значит, надо его очаровать. Всё. Никаких вопросов. А эта начинается тут...

– Он один приедет? – Спросила я.

– Нет, к сожалению. К нему, словно репей, прицепился один оперный звездун... Милославо... Ярослав...

– Билославо, – подсказала я. – Марио Билославо. Он тоже

приедет к нам в гости на новогодние праздники?

– Да. Уж очень господин итальяшка хочет насладиться настоящей русской зимой. Вот, будет приколом, если всё растает к ядрени матери и потечёт грязюкой в разные стороны!

Гришка снова залился весёлым смехом. Я тоже вежливо улыбнулась его шутке.

– Кулинич вроде был женат на Летицкой, – начала я.

– Развелись! – Досадливо махнул ручищей Гладышев. – Совсем за светской хроникой не следишь? Чем голова занята? – Ласково поинтересовался он, целуя меня в макушку.

«Тем, как избавиться от твоей противной рожи!» – Подумала я со злостью, а сама произнесла с милой улыбкой:

– Спасибо.

Это не Гришке, а Антонине Тимофеевне, которая принесла для меня чашку чёрного кофе без сахара и фруктовую нарезку из хурмы, банана и лимона, как я люблю. Всё-таки она милейшая женщина! Мне её будет не хватать у себя дома на Кожухе.

– Слушай, Илонка... Меня только что осенило... – Начал Григорий, когда домработница удалилась. – Почему он везде таскается с этим итальянским соловьём? Вдруг он с девочек перешёл на мальчиков, и у них любовь?

Гришка побагровел от своего предположения, а я залилась смехом.

– Это исключено, – заверила я его, просмеявшись.

– Почему? – Возмущённо поинтересовался Гладышев. –

Ты настолько хорошо знаешь вкусы Кулинича, что...

– Нет, – пресекла я поток его догадок. – Я неплохо знаю Билославо. Он никого на свете не любит, кроме одного человека...

– Кого? – Нетерпеливо спросил Гришаня, охочий до всяких сплетен.

Я выдержала эффектную паузу и произнесла с пафосом:

– Себя, неповторимого! Единственного на всём белом свете Марио Билославо!

– Хм... Интересно, – Гришка яростно зачесал свой кудрявый, чёрный с небольшой проседью затылок. – Значит, Кулиничу можно спокойно подсовывать Катьку и... Что?! – Прервал он сам себя возмущённо. – Что ты так на меня смотришь? Станислав Петрович сам сказал, что ему надоели все эти великовозрастные светские шалавы! Он чистую, благовоспитанную девушку хочет в жёны. Чем ему Катька не жена, скажи, а?

– С кем ты сейчас споришь? – Невинно поинтересовалась я. – Уж не сам ли с собой?

– Не надо! – Григорий вскинул указательный палец в предостерегающем жесте. – Вот, этой философии мне здесь не надо, ладно?

– Философия, между прочим, была вполне себе жизнеспособной штуковиной, пока лучшие умы Востока и Запада не превратили её в болото бесплодных умствований. Это раз. И потом, ты уверен, что твоей сестре будет с ним хорошо?

Это всё, о чём я хотела тебя спросить.

– А, вот, это уже твоя задача – убедить Катюку, что Кулинич как раз тот человек, с кем ей будет хорошо. Я со своей стороны убеждаю её, что ничего лучшего ей не светит.

– Молодец, – грустно похвалила я. – Втаптываешь девчонке самооценку. К тому же, тебе, ведь, ясно сказали, что сердце занято...

– ... как туалет в плацкартном вагоне! – Повторил Гришка, но уже не с насмешкой, а со злостью. – Знаю я эти ваши девичьи сердца! Зайдёт в него сопливый, безответственный юнец, нагадит да ещё и смыть за собой не соблаговолит! Здесь же серьёзный, взрослый человек...

– ...нагадивший не в одно и не даже не в два женских сердца, а в гораздо большее их количество! – Торжественно закончила я.

– Вот, именно! – Согласился Григорий радостно. – Он всё или почти всё своё говно уже излил на других, и Катюке меньше достанется! Стас настроен на семью и детей, и Катерина – самое то, что ему нужно.

– Отлично! – Резюмировала я. – Свеженький, невинный цветочек – старому, потрёпанному козлу!

– Да, – парировал любящий старший брат. – Козлы, особенно старые, большие охотники до свежей зелени, даже если она, скажем так, тучновата для своего времени года.

– Ладно, не будем спорить. Время покажет, кто был лох, – ответила я, поднимаясь и глядя на свои наручные часы.

– Куда это мы спешим? – Удивился Гришаня. – Я думал, мы с тобой...

– Через пятнадцать минут начинается трансляция, – сказала я. – Женькины ростовские юниоры играют с краснодарскими. Я хотела бы посмотреть.

Гришка замер, уставившись на меня с приоткрытым ртом. В какой-то момент я испугалась, что его снова хватанул микроинсульт или, чего доброго, полноценный удар, но нет.

– Женька! – Воскликнул Гришаня, вскидывая вверх указательный палец. – Вот, где корень зла!

– Какой ещё корень зла? – Искренне возмутилась я. – Ты знаешь кого-нибудь, кто был бы...

– ...так же часто в последнее время треплён кругленьким Катькиным язычком! Илонка! Он же у неё с языка не сходит! Чёрт, только этого ободранного перекаати-поля ей не доставало! Вот, я debil! Как я теперь отменю приглашение для них с Альбинкой?

– В этом нет нужды, – успокоила я Гришку. – Марченко не зайдёт в Катино юное сердечко и не нагадит в нём, и Катя ему даром не сдалась. Он слишком любит свою жену.

– Мало ли, кто кого любит, когда молодая девка вертит задницей перед носом?

– Это не его калибр, – заверила я. – Не его калибр и не его формат.

– Откуда знаешь? – Недоверчиво спросил Григорий.

– О своих друзьях я знаю всё.

– Не многовато ли у тебя друзей мужского пола, дорогая моя?

– Друзей женского пола не бывает, а если есть, то это подруги. Извини, я хотела ещё успеть принять душ и переодеться.

Преодолевая отвращение, я поцеловала Григория в губы быстрым, но крепким поцелуем, и взбежала по лестнице к себе в спальню. Мельком бросив взгляд через плечо, убедилась, что он весьма озадачен. Что ж, ничего удивительного.

Глава 14

Женькины юниоры одержали трудную победу 4:3. Кажется, это последний их матч в уходящем году. Я искренне порадовалась за Марченко и его мальчишек, взглянула на часы и поняла, что настало время ужина.

Раньше я долго составляла меню на пару с Антониной Тимофеевной, тщательно выверяя калорийность блюд и соотношение белков-жиров-углеводов. Старалась сама ездить за продуктами и следить за тем, чтобы они были надлежащего вида, состава и качества. В последние три месяца мне жутко некогда заниматься этим всем. Есть дела важнее и интереснее.

– Тебе не кажется, что наш рацион стал более калорийным, чем всегда? – Спросил как-то раз Григорий с умным видом.

– Нет, не кажется, – ответила я уверенно. – Это так и есть.

– Ты считаешь это нормальным?

– Конечно. В холодное время года рацион должен быть более калорийным.

«До тёплого я не задержусь, а вам, двум свиньям, всё равно, что жрать!» – Добавила я про себя, обворожительно улыбаясь в изюмно-чёрные Гришкины гляделки.

– Намечается большая компания. Надо бы закупить побольше алкоголя, – начал Гришка в тот вечер за ужином.

– Кто будет его пить? – Саркастически поинтересовалась я. – Лунины и Завадские не пьют, потому что это вредно, Женьке пить нельзя, а Альбинка не будет с ним за компанию, Збогары не пьют просто потому что... Остаётся сладкая парочка – Кулинич и Билославо, да мы с тобой.

– Тебя поить – только добро переводить, – усмехнулся Григорий. – Никогда не пьянеешь. Ты хоть удовольствие от алкоголя получаешь?

– Получаю, когда некий лох думает, что я набралась, и он сейчас меня легко обставит в покер...

Хрустальные шариклы люстры зазвенели от нашего с Григорием дьявольского хохота. Катюня поёжилась.

– А почему Марченко нельзя пить? – Спросила она вдруг ни к селу, ни к городу.

Вот, что ей нужно, а? Ну, влюбилась, с кем не бывает? Ну, сильно старше неё, ну истрёпан жизнью в шоболы, ну, женат. Опять же, бывает. Всё могу понять, кроме одного: какого дьявола болтать о нём, не закрывая рта? Чтобы все зна-

ли? Узнают. Дальше что? Насмешки-позор-кошмар? Всё-таки некоторым людям природа сильно не додала ума.

Как-то раз Альбина Марченко, вспоминая последние свои года в школе на излёте советского времени, рассказывала, что у них был факультатив «Этика и психология семейной жизни». Предмет был занимательным до икоты, а учебник очень веселил старшекласников своей напыщенной сдержанностью и параграфами ни о чём. Одним из таких параграфов была «Культура поведения влюблённых». Урок превратился в вечер юмора посреди белого дня сразу же.

– Они бы ещё о культуре поведения людей в состоянии аффекта написали! – Смеялась Альбина, сверкая ровными, беленькими зубками.

– Или для шизиков! – Вторил ей Женька, покатываясь.

Тогда я смеялась над рассказами Альбинки вместе с ними обоими и ещё парочкой знакомых, а теперь неожиданно подумала, что тот параграф неплохо бы прочесть вслух Катюне, усадив её предварительно в мягкое, глубокое кресло и вручив большой леденец на палочке.

Григорий посмотрел на меня многозначительным взглядом.

– Ему нельзя спиртного. Там серьёзные проблемы с пищеварением, – ответила я после достаточно долгой паузы.

– Так, вот, почему он за последний год так похудел! – Всплеснула Катюня своими полными ручками. – Я-то думала, это Альбина Николаевна его худеть заставляет, чтобы он

тоже, как и она, стал похож на тощую козу. Пухленьким он мне больше нравился!

Мы с Гришкой переглянулись, и он покачал головой. «Как же всё далеко зашло!» – Буквально кричали его глаза.

– Вряд ли Евгений Александрович будет ещё когда-нибудь, как ты изволила выразиться, пухленьким. После того, как его траванула бывшая...

Катькино громкое «Ах-х-х!» и звон разбитого стекла не дали мне завершить фразу. Гришка стукнул кулаком по столу и принялся орать, что ему испортили аппетит. Он, мол, и без того год назад наслушался ужасов об истории с Женькиным отравлением и не желает за ужином пересказывать про рвоту, понос, гнойные язвы, реанимацию, сошедшую ключьями кожу и прочее в этом духе. Прибежала Антонина Тимофеевна с веником и совком, чтобы убрать разлетевшиеся по всему полу осколки стакана.

В прошлом году новость об отравлении Марченко долго была у всех на слуху. Ему сочувствовали. Его спасали всем миром. Странно, что всё это пролетело мимо Катькиных розовых ушек.

Ах, да! Ничего странного: наша мадемуазель Екатерина гостила у европейских родственников с декабря прошлого года по март текущего. Точно! Меня почти четыре месяца никто не докапывал с разговорами про ауру. Вернулась Катрин аккурат к Женькиной и Альбинкиной свадьбе в конце марта и очень страдала по этому поводу.

– Почему на ней? – Горько недоумевала она. – Не мог найти кого-нибудь помоложе?

– Мог, – согласилась я тогда, – только он никого не искал.

– Правильно! Женился на первой попавшейся! Кто под бочок подлез!

Катюня долго разорялась на эту тему, а я молча ухмылялась в усы. Знала бы она, как всё было на самом деле!.. Но, куда ей!

Теперь аккомпанементом к Гришкиному ору Катька принялась реветь, уткнувшись в желтоватую крахмальную салфетку, а я задумалась. «Надо отбелить салфетки и скатерти, – подумалось мне. – Ещё проконтролировать, чтобы протёрли зеркала в прихожей. Они капец, как заляпаны. С нами всеми что-то происходит. Что-то нехорошее, затхлое... Что?..»

Упадок, вот что. Именно так он выглядит. Вроде бы всё, как всегда, но наш безукоризненно отлаженный быт и симбиотические взаимоотношения внутри тройственного союза уже покрылись сетью паутинно тонких трещин. Если их срочно не подлатать, они углубятся, штукатурка благопристойности отвалится, кирпичи взаимной выгоды раскрошатся, и быт вместе с союзом неминуемо рухнет.

Впрочем, туда им и дорога. Я даже не собираюсь прикидываться, что мне есть до этого дело. Мне больше ни до чего в этом доме дела нет.

Хотя, не совсем так. Мне есть дело до того, как встретить,

устроить, накормить, развлечь и проводить будущих дорогих гостей. Среди них, между прочим, два моих лучших друга и потенциальный благодетель, к слову говоря, на данный момент совершенно свободный. Думаю, этот кусок жирноват для Катюни. Она сама ограничила свой рацион воровством с чужих тарелок, вот, и пусть развлекается.

Гришка, наконец, проорался. Катька убежала к себе. Антонина домела осколки и вышла из столовой, а я накапала в стакан валерьянки и поднесла его нашему дорогому хозяину.

– Может, лучше коньяку? – Спросил он с надеждой.

– Коньяк по праздникам, – обрубил я.

Не хватало мне ещё смотреть на спивающегося кабана в последние мои недели в этом дебильном доме! Провались оно всё в сортир!

– Расскажи что-нибудь, – попросил Гришка жалобно, разделавшись с валерьянкой.

– Юниоры Евгения Марченко победили со счётом 4:3 краснодарскую команду, – сообщила я с интонациями ведущей рубрики «О спорте» и поднялась, упреждая Гришкино возмущение по поводу слишком частого за последние полдня упоминания имени кое-кого.

– Я понял, – вымолвил он обречённо. – Вы сговорились. Вы с Катькой сговорились вогнать меня в гроб.

– Ты умничка! – Похвалила я. – Всё правильно понял. Мы с ней даже план твоих похорон уже обсудили и наряды тра-

урные заказали.

– Илонка! Стой! Ну, скажи, на что вам сдался этот Марченко? Или вы хотите меня с ним поссорить? Зачем вам это?

– Я тебе скажу, зачем, – пообещала я серьезно, – только поклянись, что никому не расскажешь...

– Илонка! – Проныл Гришаня устало. – Опять сейчас будут эти твои шуточки про Госдеп!..

– Нет, – возразила я. – Я про китайскую разведку пошутить хотела. Впрочем, не хочешь – как хочешь! Я пошла.

– А как же я? – Жалко поинтересовался Гладышев.

Похоже, он окончательно впал в роль жертвы нашего с Катькой произвола.

– Ты? – Переспросила я весело. – Ты самый лучший в мире! – Обрадовала я нашего «барина» и, послав ему воздушный поцелуй, взбежала вверх по лестнице к себе в комнату.

Глава 15

Переодевшись в удобную пижаму, я плюхнулась на кровать, включила бра и потянула с полки свой любимый «бабский журнал», как его окрестил Гришаня на заре наших с ним отношений. Он тогда искренне недоумевал, почему я не читаю все эти материалы на сайте издательства, но электронный вид – совсем не то. Бумажные страницы скользят под руками, словно живые, их шелест успокаивает, а запах... Как я люблю запах свежееотпечатанной периодики! Лучше пахнут только новые книги.

Правда, сегодня почитать вряд ли получится, слишком

многое надо обдумать. Журнал нужен скорее как прикрытие на случай, если вломится кто-то из Гладышевых. Я слишком возбуждена эмоционально, и кипа листов большого формата – то, что мне надо для прикрытия.

Я должна, во что бы то ни стало, очаровать Кулинича. Очаровать до такой степени, чтобы он позвал меня на главную роль, а лучше на две. А ещё лучше, чтобы он изъявил желание жениться на мне и задействовать как исполнительницу главных ролей в своих спектаклях на постоянной основе. Не по благу, конечно, а просто потому, что видит во мне великую актрису. Так все жёны режиссёров и продюсеров говорят, и я буду. А, кто мне запретит?

Я спрыгнула с кровати и открыла шкаф с одеждой. Терпеть не могу перетряхивать шоболы! Ещё не люблю говорить о них. Это Альбина Марченко с Яной Збогар, как соберутся вместе, так обязательно заведут о тряпках. Будто и поговорить больше не о чем! Янина, между прочим, мастер спорта по дзюдо, вдобавок пишет потрясающие стихи и рассказы. Альбина круто рисует в графике. У неё персональные выставки... где только не проходили! Обе имеют дипломы психологов. Однако нет. Говорить девочки будут о тряпках.

У меня обширный гардероб, составленный исключительно по моему вкусу. Иногда я замираю перед вешалками со своей одеждой, но не потому, что «нечего надеть», а потому, что слишком богатый выбор. Антипод интернатских детства и юности.

Мне всегда было плевать на то, как одеты другие женщины, и что нравится мужчине, который рядом со мной. Да, у меня и мужчин-то толком не было до Гришани. По крайней мере, я ни с кем не жила на одной жилплощади и не встречалась с одним и тем же дядькой годами. Юрочка не в счёт, это особый случай. Ясный пень, мне никогда не приходило в голову одеваться по вкусу своих редких случайных любовников! Теперь ситуация совсем другая.

Я полезла в Интернет и принялась выискивать материалы о Кулиниче. «Родился-учился-женился» меня интересовало слабо. Все мы когда-то и где-то родились, иначе нас не было бы на свете. Образование в нашей стране обязательно в рамках девяти классов, поэтому все учились в какой-нибудь школе, ничего особенного. После, войдя во вкус, люди обычно учатся где-то ещё. Не всем, ведь, везёт, как нам, балетным, чтобы взять и выйти после школы в мир с готовой профессией. Ну, или с инвалидностью. Тут уж, кому какое счастье.

Женился? Ну, а кто в его годы ни разу не был женат? Разве что, мамкин сыч какой-нибудь, но такие обычно не ставят спектаклей, гремящих на всю страну и собирающих аншлаги даже при наших грабительских московских ценах на билеты.

Впрочем, насчёт «женился» я погорячилась. На этом пункте мне пришлось невольно задержать взгляд. Наш дорогой будущий гость был женат... семь раз! Вот, это, я понимаю, тяга к покорению туалетов, пардон, девичьих и дамских

сердец!

«Кого же мы так любим покорять?» – Спросила я у планетарного разума по имени Интернет.

«Моделей, которые после знакомства с Великим Мастером все, как одна, переквалифицировались в актрис!» – Последовал незамедлительный ответ.

Сам мастер ростиком невелик, всего-то сто шестьдесят пять сантиметриков. Однако рядом с ним на всех светских мероприятиях неизменно высоченные темноглазые шатенки с кудрями. Последние его три жены настолько между собой похожи, что если бы не новости о разводах и бракосочетаниях, я бы даже не поняла, что гражданин сменил супругу.

Усевшись на полу в позу лотоса, я стиснула виски указательными и средними пальцами обеих рук и принялась напряжённо думать. Со вкусом объекта всё ясно. Остаётся понять, что в такой ситуации делать мне. Надеяться, что ему надоели высокие шатенки модельной внешности и сыграть на контрасте? Выкраситься в шатенку самой, завить кудри и прочно вскарабкаться «на лабутены»? Брать умом? Силой? Талантом? Хитростью?

А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

В висках неуёмно стучало.

Эврика! Кажется, я догадалась!..

Давай, Интернет, милый, не тормози... Ну... ну! Есть!

Точно: от семи браков один плод, да и тот, мягко говоря, не очень-то удался. Сын, двадцать два года. Сменил двадцать

два учебных заведения. Из увлечений секта, где люди подвешивают себя на крюках, предположительное участие в кровавом преступлении, лечение в психиатрической клинике. Всё ясно. Опять счёт не в мою пользу.

Дело в том, что дяденьки за сорок с подобной семейной ситуацией нередко бывают одержимы идеей завести, наконец, крепкое, здоровое потомство и побольше, побольше!.. Только этого мне недоставало!

Дело даже не столько в том, что я не хочу детей в принципе. У меня может ничего с этим не получиться, даже если я возжажду стать матерью. У балетных и спортсменок нередко возникают проблемы с репродуктивкой, а о родах даже говорить не хочется: под нож попадают практически все, кто решился забеременеть, и у кого, как ни странно, получилось выносить ребёнка.

Я не хочу годами ловить чёртову овуляцию. Не желаю каждый месяц в преддверии заветного женского дня нестись с выпученными глазами за тестом на беременность, а после рыдать над кровавыми пятнами на своём белье. Не жажду лечиться до потери рассудка ради того, чтобы однажды меня разнесло, как арбуз.

Не хочу быть прикованной к койке все девять месяцев, как многие из наших. Не хочу, чтобы меня препарировали, как лягуху, на операционном столе, дабы достать из меня мелкого паразита, который отравит все мои оставшиеся дни. Зачем оно мне случилось?

А случилось оно мне ради ролей. Заветных ролей в аншлаговых спектаклях, а после, возможно, в кино и на телевидении. Ради моего личного светлого будущего.

Хотя, какое может быть светлое будущее и какие роли, если я в ближайшие лет пять не вылезу из больниц и вернусь в мир нормальных людей, если вообще вернусь, сильно покалеченной физически и морально? К тому времени я стану намного старше, чем теперь, а теперешний мой возраст и есть тот верхний предел, до которого ещё можно куда-то пробиться.

Впрочем, возможно, я неправа, и Кулинич вовсе не желает чёртова потомства. Нагляделся на него уже до огненных мух в глазах. И, даже если желает... мало ли, кто и что желает в этом лучшем из миров? Можно, ведь, просто пообещать, заключить сделку, а после сбежать от проклятого тирана к...

К кому? К другому проклятому тирану?

Да, птичка моя! А ты как думала? Все мужики проклятые тираны. Их можно и нужно использовать, а когда один перестал работать на тебя, заменять его следующим. Посмотри вокруг, все так живут!..

Все, да не все. Кто-то живёт по-другому.

Кто-то, у кого нет моих амбиций и способностей! Толстозадые, бездарные и безынициативные клуши по-другому живут, вот, кто.

Так, что же делать? Делать-то мне что?

Перекраситься в шатенку и завить кудри? Глупо. Китай-

ская подделка получится. Надо оставаться собой и брать объект... чем?

А это уже будет зависеть от того, что он ценит в женщине.

Ценит хозяйственность? Покажем чудеса хозяйственного эквилибра.

Доброту? Он у меня ею подавится. В хорошем, разумеется, смысле.

Ум? Мы университетов не кончали, конечно, но поговорить о книгах и прочих подобных материях большие не дураки!

В общем, война план покажет.

Глава 16

– Ой, Илоночка, прости!.. – Яркий свет из коридора прямо по глазам, несчастное, зарёванное Катькино рыльце и страстный шёпот от двери: – Прости! Ты медитируешь! Извини, что помешала, но я...

– Заходи, раз уж пришла, – устало промолвила я, вставая с пола. Не помню, как я там снова очутилась в позе лотоса. – Я ещё не дошла до того маразма, что ты мне приписываешь. Только дверь закрой ради всех горных, лесных и прочих духов, пожалуйста! Свет по глазам бьёт!

Не выношу, когда свет лупит по глазам. Катьку пока выношу, хоть и с большим трудом. Правда, сейчас я почти рада её появлению. Она мне может многое рассказать, и, как знать, может, что-то пригодится!

Мы с ней улеглись на мою кровать рядышком, как парочка

лесбух после бурных утех, и Катька начала:

– Он меня за него замуж отдать хочет, представляешь? Говорит, это лучшее, чего я заслуживаю со своей толстой задницей и свинячьей рожей!

Голос Катюни предательски задрожал, а слёзы из глаз хлынули буквально в три ручья, как у клоуна в цирке. «Не свинячьей рожей, а свиным рылом!» – Чуть не сорвалось с языка. Мне стоило большого труда сдержать усмешку.

Вот бы, меня кто-нибудь за Кулинича просватал, а? Так, ведь, нет же!

Говорят, большие женщины созданы для работы, а маленькие для любви. В моём случае всё явно наоборот.

Я лежала, уставившись в потолок, кусала губы и молча злилась.

Злилась на тех, кто выдумывает и вчехляет людям всякую дичь.

Злилась на свою переломанную, безрадостную жизнь, данную мне в награду непонятно за какие грехи.

Злилась на рыдающую на другой половине кровати бессовестную, толстую кобылу, воображающую себя нежным цветочком с особенной длиной волны. Сейчас чёртов цветочек засопливит мою подушку так, что не поможет смена наволочки. Гадство. Всю жизнь об этом мечтала.

С трудом заставив себя успокоиться безмолвными ругательствами в адрес собственной персоны, я повернулась к Катьке, присела на один бок и принялась гладить её неж-

ную, девичью спину в валиках твёрдого жира, кудрявый, как у Гришки, затылок, пухлое, белое предплечье.

– Мы живём в прекрасной стране, Катенька, – изрекла я с жизнерадостными интонациями детсадовской воспитательницы.

От неожиданности девчонка перестала рыдать, резко села на кровати, подогнув под себя коротковатые полные ноги и ошалело поинтересовалась:

– При чём здесь это?

– Это здесь при том, Екатерина, что человек в России рождается и живёт свободным, понимаешь? Никто не может заставить его делать то, что ему не хочется, пока он не лишён по каким-то причинам свободы и дееспособности.

– К чему ты клонишь? – Отчаянно тупила Катька.

– Я клоню к тому, дорогая моя девочка, что ни Гришка, ни родители, ни сам Президент во главе с Госдумой не могут заставить тебя выйти замуж за кого бы то ни было, если ты не хочешь. Если же они всё-таки заставят тебя силой, это будет преступление, подлежащее суду.

– Это всё хорошо, – отмахнулась Катька, – но ты понимаешь, что они сожрут меня, если я сейчас послушаюсь Григория? Они превратят мою жизнь в ад кромешный! Они меня со света сживут!

Катька почти кричала.

– Уйди от них, – посоветовала я. – Устройся на работу, сними квартиру, и адрес им не говори.

– Какую работу? – Горько спросила Катька. – Бумажки за копейки перекладывать? Да, я на те деньги, разве что угол сниму у полоумной старухи! И питаться придётся... Даже не знаю, чем! Консервами собачьими!

– Собачьи консервы дороги, – возразила я. – Обычно в таких случаях говорят, что питаться придётся лапшой быстрого приготовления, но это миф. Она на самом деле тоже дорого обходится. Лучше покупать дешёвые макароны и крупу. Так больше возможностей протянуть до получки.

– Какая ты умная, Илонка! – Искренне восхитилась Катька. – Всё знаешь! А я, вот, ничего не знаю! Я кашу себе не сварю! Я понятия не имею, что с куском сырого мяса делать!..

Катюня снова залилась слезами.

– Так, учиться надо! – Обнадёжила я её. – Уходить из дома и всему учиться самостоятельно.

– Я боюсь, – тупо произнесла Катька. – Боюсь не справиться. Боюсь, что меня обманут, ограбят, обидят как-то ещё. Боюсь оказаться одна. Илона! Помоги, прошу тебя! Отговори Гришку от этой глупости!

– В чём глупость-то? Не вижу никакой глупости, сплошная мудрость житейская! – Отмахнулась я. – Брат за тебя переживает, хочет предостеречь от ошибок и определить сразу в надёжные, опытные руки. Кулинич, между прочим, семь раз был женат! Понимать надо!

– Что-о-о? – Маленькие Катькины глазки вытаращились

и округлились так, что я испугалась, как бы они у неё не выпрыгнули, как у дятла Вуди, и не зарядили мне в лобешник. – Семь раз?!

Я снова поразилась неумению некоторых одарённых во всех смыслах гражданок пользоваться источниками информации. Хоть бы в поисковике набрала чёртова Кулинича! Нет же! В Интернете мы смотрим фоточки котиков с цветочками и придурковатые иностранные сериалы о жизни студенческой молодёжи.

Правильно, своей жизни нет, так, мы хоть со стороны посмотрим! Зачем нам своя жизнь? За нас её другие пусть проживают: ушлые родители-пенсионеры, хитрожопый братец Гришенька, кто-нибудь ещё. «Илонка, помоги!» Какая прелесть! В чём я должна тебе помочь? В том, чтобы ты и дальше продолжала спускать свою жизнь в дыру?

– Я поняла тебя, – проговорила я, наконец. – Ты не хочешь менять свою жизнь, да, Катя? Хочешь, чтобы всё в ней осталось, как есть?

Катька принялась заполошно кивать, а в маленьких её зарёванных глазках зажглись фанатичные огоньки!

– Я тебе помогу, – пообещала я, – только и ты должна взамен кое-что сделать.

– Что? – Спросила Катюня с придыханием.

– Ты должна выбросить Марченко из головы, – рубанула я со всей дури. – Тебе там ничего не светит, Катюша, что бы ты себе ни вообразила.

Катька задохнулась.

– Ты... Ты... Ты не можешь! – Прошелестела она, наконец.

– Не могу что? – Насмешливо поинтересовалась я. – Говорить тебе правду о том, что приставать к женатым мужчинам гадко? Предупреждать тебя, что ничем хорошим подобные вещи не заканчиваются?

– Ты не можешь запретить мне любить его, – произнесла Катька зачарованно. – Любить, несмотря ни на что.

В этот момент я даже почти прониклась её юным пылом, но сидящий во мне с давних пор злостный циник взял вдруг и изрёк моими устами:

– Тогда я не буду тебе помогать. Слушай Гриню. Выходи замуж за старого, затрёпанного козла. Выслушивай его дебилские нотации и трясись, что он бросит тебя с тремя детьми, погнавшись за очередной породистой лошадкой ростом под метр девяносто.

– Если он будет связан с Гришей делами, он меня не бросит. С партнёрами так не поступают, – неожиданно зарядила Катюня, и я чуть не зауважала её, но рано: – Гриша так сказал, – добавила она, расставляя все точки над «ё».

– Вот, и чудненько. Очаровывай Станислава Петровича, выходи за него замуж, рожай побольше детишек. Живи в своё удовольствие, одним словом, а молодые, красивые парни тебе как-нибудь приснятся, если хорошо себя вести будешь.

– Не приснятся, – пообещала Катька. – Они мне без надобности. Я Женечку люблю...

На последнем предложении голос несчастной невесты сорвался в мышинный писк, и она снова заревела. «Капец моей подушке!» – Устало подумала я.

– Катька, погоди, не реви! – Затрясла я её, впиваясь пальцами в пышные, округлые плечи.

– А?.. Что?..

– Давай договоримся так: Кулиничка я беру на себя, а ты любишь Марченко молча и не пытаешься отбить его у Альбины. Идёт?

– Нет, не идёт! – Вот, упрямая овца! – Я сделаю всё, чтобы быть с ним!

Столько фанатизма в голосе! Похоже, дядька Женька всерьёз зацепил нежное Катино сердечко.

– Тогда я ничего не сделаю, чтобы тебе помочь! – Отрезала я. – Пальцем не пошевелю.

– Пошевелишь, – пообещала Катька, и глаза её нехорошо сузились. – Ещё как пошевелишь!

На какой-то миг я даже испугалась и начала перебирать в уме, где и на чём я могла лохануться. Я была уверена, что за этим обещанием-угрозой последует какой-то шантаж, но Катька неожиданно вскочила и вихрем унеслась в свою комнату, конечно же, забыв закрыть дверь, и свет из коридора опять резанул по глазам. «Этого только недоставало! – Подумала я с горечью, любуясь бурыми пятнами с зелёными

краями, заплясавшими от яркого света в моих глазах. – Будет ещё меня всякое говно шантажировать!»

Едва я успела додумать свою шикарную по своей нелепости мысль, как в дверях показалась мадемуазель Екатерина. На этот раз она захлопнула за собой дверь в коридор, да ещё и замок на ней защёлкнула.

В левой руке Катька держала небольшую, вытянутую коробочку. Глаза несносной девчонки переливались антрацитовым блеском, а тонкие губы сжались в едва заметную ниточку.

– Вот! – Произнесла Катрин, небрежно швыряя коробочку мне на колени.

Я открыла её и с трудом сдержала рвущиеся наружу восторженные матюки. Это было потрясающей красоты кольцо из белого золота с бриллиантами и сапфирами. Оно стоит целое состояние, потому что вдобавок к дорогущим материалам изготовлено одним очень модным на сегодняшний день ювелиром. Это кольцо Григорий подарил Катьке в честь окончания универа в прошлом году, где она выучилась, хрен пойми, на кого.

– Оно твоё! – Решительно заявила Катька. – Только сделай так, чтобы они от меня отстали и не мешали жить своей жизнью!

«За их счёт», – добавила я мысленно, но вслух говорить ничего не стала, ибо какая мне разница! В конце концов, у Катьки всё равно ничего не выйдет с Марченко, а если ей

нравится позориться, пусть позорится. Дело вкуса.

Я торопливо запрятала в комод своё новое сокровище. Завтра с утра отвезу его в банковскую ячейку. Там у меня уже хранится девять подобных драгоценностей, эта десятая, юбилейная. Как хорошо, что в мире существуют такие лохушки, как Катя! Без них жизнь была бы, ох, какой невесёлой и скудной.

– Как ты собираешься это сделать?

Вопрос Катьки застал меня врасплох.

– Сяду в машину да поеду, – небрежно отмахнулась я, имея в виду свою завтрашнюю поездку в банк.

– Куда? – Снова вытаращилась Катька.

До меня, наконец, дошёл смысл её вопроса, но в мои планы не входило выворачивать душу и раскрывать намерения этому полену в девичьем обличье.

– Всё утрясётся, – пообещала я.

– Как ты собираешься утрясти это? – Вот, ведь, настыр-ная!

– Я возьму Кулинича на себя, – пообещала я. – Как только он будет лезть к тебе со своими маразматическими знаками внимания, я буду его сразу же отвлекать на свою персону!

– Илона! – Всплеснула руками Катька. – А как же Гриша?

– Ни одного Гриши в этом трюке не пострадает, – заверила я Катьку. – Дело в том, что я очень хочу попасть в спектакль Кулинича, желательно на главную роль. Григорий сам велел мне очаровать дорогого гостя... Да, не делай такие гла-

за, чёрт! – Рывкнула я, когда Катюня опять вытаращилась на меня, как дятел Вуди. – Очаровать талантом – пением, танцами, игрой на фортепиано, знанием языков!

– Не кричи, Илонка, я поняла. Успокойся. Гнев портит ауру.

– А что её не портит, эту сучью ауру? – Злилась я, не в силах уже остановиться.

– Для ауры полезны смех, веселье, танцы! – Вымолвила вдреуг заплаканная Катюня, хохоча.

Она подхватила меня в свои пышные объятия, и мы с ней заплясали по комнате, изображая что-то среднее между полькой-бабочкой и танцем с саблями. Злость моя, как ни странно, сразу же улетучилась. Всё-таки нам, хитромудрым и расчётливым, без дураков скучно. Благо, их не сеют и не пашут, сами плодятся.

– Ты получишь все-все главные роли в спектаклях Кулинича, потому что ты, Илонка, самая красивая и талантливая! А я выйду замуж за Женечку, и у нас будут дети... много-много детей! И большая, чёрная, лохматая собака! И у вас с Гришкой скоро будут дети! И вы поженитесь, и мы устроим свадьбу! Нет, две! Нет, мы устроим двойную свадьбу! Ура! Ура! Ура!

– Тройную, – поправила я.

– А кто ещё будет жениться? – Удивилась Катька.

– Большая чёрная собака, – объяснила я. – Ей, ведь, тоже хочется счастья и щенков, щенков побольше!

Мы расхохотались, заплясали снова, а после рухнули на кровать, где Катька долго пыхтела, переводя дух, а я опять глядела в потолок и мечтала. Мечты мои были о том, как я выйду замуж за Кулиничу, и у нас с ним будет много-много новых спектаклей, денег, драгоценностей, недвижимости. Мы объездим со своими постановками весь мир, и мои героини долго потом будут сниться разноликим и разноязыким его обитателям. После я снимусь в кассовом фильме и в крутом сериале и стану звездой.

Мега-звездой... Ивановной!

Как мы обе заблуждались тогда насчёт своего будущего! В нём не было почти ничего из того, что мы нафантазировали, и даже большая чёрная собака умудрилась...

Впрочем, не буду так сильно забегать вперёд. Я и без того была в тот странный вечер нисколько не умнее Катьки.

Глава 17

– Расскажи мне о нём! – Попросила Катюня, пропыхтевшись.

– О ком? – Прикинулась я шлангом.

– О Женечке, – мечтательно протянула она. – Я хочу всё-всё о нём знать!

– Набери Марченко в поисковике, и он тебе...

– ...выдаст: бывший центральный полузащитник таких-то и таких-то клубов, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят два килограмма... был в девятьсот заплесневелом году... Мне это не интересно! – И Катенька капризно под-

жала губки.

– Что же тебе интересно? – Дразнила я несносную девчонку. – Личная жизнь? Набери: Евгений Марченко, личная жизнь.

– «Женат на Альбине Марченко, спортивном психологе своего клуба, пара воспитывает сына от предыдущих отношений Альбины. Евгений Марченко также имеет двух дочерей от первого брака. Фотографии, на которых ни шиша не различишь, прилагаются». Всё.

– Вот, именно, всё. Всё, что тебе нужно знать о нём!

«Чтобы понять, что тебе там ничегошеньки не светит!» – Добавила я мысленно. Могла бы сказать и вслух, но знаю по опыту, что это бесполезно.

– Не-е-е-т! – Настырничала Катька. – Расскажи мне о нём всё-всё-всё! Вот, прямо всё, что знаешь! Вы же с ним большие друзья... Вы, ведь, вместе выросли?

Я расхохоталась.

– Знаешь, Катя, я никак не могла вырасти вместе с Евгением Александровичем. Хотя бы потому, что он на десять лет старше!

– Ой, да... Извини!

Кате почему-то кажется, что я всегда расстраиваюсь, когда мне напоминают о возрасте. Нет, не всегда. Только в те моменты, когда задумываюсь о будущем. В ближайший час я с Катиной подачи крепко увязла в прошлом.

Я, конечно, не росла вместе с Женькой. В детстве я пере-

секалась с его первой женой Татьяной. Мир праху её. Она повесилась в начале этого года, когда попытка отравить горячо любимого и яро ненавидимого бывшего мужа сорвалась, а её саму заключили под стражу. Татьяне было тридцать семь. Две их с Женькой дочери-подростка остались без матери. Девочки пожелали жить у родителей Татьяны, чем очень огорчили своего отца. Всё это – не до конца затянувшиеся раны. Мой друг ещё долго будет говорить о них с болью.

Смерть Татьяны оказалась большой потерей и для науки. Остались незавершёнными важнейшие исследования и докторская диссертация. Сказать по правде, я до сих пор в ауте от того, что произошло.

Кажется, Татьяне было лет пятнадцать, когда она утешала меня, семилетнюю соплю, притулившуюся в коридорной нише хореографического училища. Сама она стать балериной не планировала, но родители на всякий случай с малолетства водили её в танцевальную студию при нашем училище. Это же так мило – девочка танцует балет!

У Таньки были все данные, чтобы стать, если не примой, то корифейкой-то уж точно, но в старших классах Химия прочно забрала её в плен. Танюша буквально бредила разными веществами и составами.

Я не знаю, почему Татьяна обращала на меня внимание. Она росла холодноватой и замкнутой девочкой. Видимо, я притягивала её тем, что была примерно такой же, только ещё и злой. Последнего Татьяна не замечала во мне, ибо

мне не из-за чего было на неё сердиться. После того случая с утиранием соплей она регулярно одаривала меня ирисками, приносимыми из дома, и спрашивала, как дела, и не надо ли меня от кого-нибудь защитить.

Наивная домашняя девочка! Не понимала, что, если кого и надо защищать, то скорее моих обидчиков от меня. Я мстила всегда и делала это с самого раннего ранья холодно, расчётливо и ожесточённо. Обычно я подстерегала гадёныша или мелкую гадину наедине, и никто не мог прийти ему или ей на помощь. Била жестоко и чем попало. Чтобы почувствовал. Чтобы в следующий раз неповадно было.

Думаете это всё? Святая простота!

После я всячески подставляла свою жертву перед педагогами и товарищами по интернату. Это могло длиться месяцами.

Наконец, вишенка на торте. Я позорила обидчика. Находила компромат и вытряхивала его принародно.

Почти все, кого угораздило всерьёз меня обидеть, вышли из хореографического училища досрочно. Разумеется, без диплома. Правда, кое-кому удалось меня со временем умаслить с помощью извинений, правдоподобного поклонения моему таланту и подарков. Последние я в детстве любила больше всего на свете.

– А ты большая сучка! – Сказала мне как-то Ольга Геннадьевна, оставшись со мной один на один. Она была одной из самых злоязыких и садистки настроенных учительниц. –

Я тебя раскусила сразу же.

– Зубы целы остались? – Нагло поинтересовалась я, сжавшись внутренне.

Я думала, что за моим неосторожным высказыванием последует скандал-позор-отчисление. Дело в том, что зубы Ольги Геннадьевны росли, кто в лес, кто по дрова, вдобавок, все, как один, были испорчены. Я решила уже, что мне хана, но вредная преподша в ответ только расхохоталась, без стеснения мне эти самые свои зубы демонстрируя.

– А ты мне всё больше нравишься! – Констатировала она. – Точно выйдешь в примы. Ты случайно не сирота?

– Нет, – ответила я. – С чего бы?

– Жаль, – отозвалась Ольга Геннадьевна. – Я бы тебя удочерила.

«Ага, всю жизнь мечтала!» – Подумала я насмешливо.

Ольга Геннадьевна живёт одна в четырёхкомнатной квартире на Арбате. Квартира досталась ей от родителей-профессоров. Однако я никогда не променяла бы нашу родную коммуналку с мамой, сестрой и бабушкой на такую, с позволения сказать, мать.

Теперь Ольга Геннадьевна на пенсии. Из училища её выжили за противный характер и нежелание кланяться, кому бы то ни было. Она ходит с облезлой кошёлкой по распродажам и жалуется на тяжёлую жизнь пенсионера, а я её не понимаю.

Зачем жить одной в четырёхкомнатной квартире, да ещё

и в самом центре Москвы? Её жильё стоит целое состояние! Могла бы продать свою квартиру, купить маленькую двушку в тихом, приличном райончике, а на остаток – три одних на разных отшибах на сдачу. Жила бы, припеваючи, но нет. Мы будем терять последние силы на уборку ста двадцати квадратов, а в свободное время ныть про высокие цены на коммунальные услуги и, вообще, на всё. Ещё и на митинг ходим при случае!

Впрочем, ну её в пенёк! Каждый выдуривает в меру собственных возможностей.

Танька в отличие от Ольги Геннадьевны не понимала, какая я сволочь, и жалела меня, а я гордилась этой неравной дружбой. Видела, с какой завистью на меня смотрели другие воспитанники, когда я шла проводить Танюшу до крыльца. Многие думали, что она моя сестра, настолько мы с ней были похожи.

Татьяна со своей стороны мечтала о братике или сестрёнке, а лучше обоих сразу, но родители так и не удосужились ей их подарить. Видимо, я и была для неё желанной маленькой сестричкой.

Таня окончила школу с золотой медалью и перестала посещать студию. Я тосковала, глядя серыми вечерами в высокое окно старинного здания, где в зыбкой мороси либо невесомой пыли проплывали мимо люди и машины. Мечталось, что Таня вспомнит о своей маленькой подружке и навестит как-нибудь вечерком, но нет. Судьба развела нас тогда на-

долго.

Мы встретились на одном культурно-спортивном мероприятии, когда мне было шестнадцать. К тому времени история моего побега из города успела порости мхом. Я вкалывала у станка, как лошадь, и это принесло желаемые плоды: меня заметили. Заметили в кои-то веки в хорошем смысле, а не так, как замечали десять лет до этого.

– Илоночка... Илона! Ты ли это?! – Восторженно произнесла маленькая, сухонькая женщина с пучочком белокурых волос на затылке.

На её невзрачном личике красовались огромные, уродливые очки, и не было следа макияжа. Судя по растрескавшимся, шелушащимся губам, она даже гигиенической помадой не пользовалась.

Одета блёклая дама была явно не по мероприятию: коричневый в дрюпинку «бабушкин» деловой костюм и застиранная блузка в мелкую птичью лапку.

– Да, я, – на всякий случай я вежливо улыбалась, хотя испытывала в тот момент крайнее недоумение и даже досаду.

Кто она такая, эта тётка, чтобы вязаться ко мне?

– Ты меня не помнишь? – Спросила «тётка» с грустью в голосе.

Выражение лица её сделалось лирически задумчивым, серовато-голубые глаза под стёклами очков подёрнулись грустной дымкой...

– Таня?! – Тут я вспомнила всё: её ласковые прикоснове-

ния, мелодичный голос, добрую сестринскую улыбку.

Даже вкус тех ирисок, которыми она меня подкармливала в детстве, вспомнился! Я бросилась ей на шею, с трудом сдерживая рыдания. Я ещё не вполне отошла от своих убийственных во всех смыслах саратовских гастролей, но не осознавала этого. Татьяна почувствовала неладное и слегка отстранилась.

– Ты стала такой красавицей!.. – Вымолвила она задумчиво и тут же совсем другим тоном спросила: – У тебя всё хорошо? Тебя никто не обижает?

Прямо как в благословенном, идиотически насыщенном, битом и ломаном детстве! Что я могла ей ответить? Что меня постоянно обижает сама жизнь за то, что я отношусь к ней, как скотина, и всё время косячу? Что я больше так не буду? Уже так не делаю?

– Юра умер, – выдала я неожиданно даже для самой себя и поняла, что в последний год у меня не было возможности толком его оплакать.

Я вкалывала, как ишак, и это помогло забыться, но горе на самом деле никуда не исчезло. Оно здесь, со мной.

Оно и сейчас со мной. Оно будет со мной, должно быть вечно – моё счастливое горе. Горькое счастье. Мне не нужно другого. Я никого больше с тех пор не любила и уверена, что не полюблю. Сердце высохло и наполнилось прахом. Жаль, этого не ведают глаза. При упоминании о Юре они сразу начинают исторгать ручейки слёз, которыми, как известно, го-

рю не поможешь, и я ничего не могу с этим сделать.

– Юра – это твой брат? Что с ним случилось? – Участливо интересовалась Татьяна, глядя моё предплечье, обтянутое голубым в серебряных блёстках трикотажем.

На мне был сценический костюм – голубое балетное трико и голубой с серебряными блёстками спортивный купальник. Мы с однокурсницами только что выступали в одинаковых костюмах на сцене, сооружённой в середине футбольного поля.

– Его убили. Юра мне не брат. Он был моим парнем.

«Тебе не понять, – подумалось мне в тот момент. – У тебя-то наверняка никого нет!»

И, впрямь, какая любовь может быть у этой блёклой особы в застиранной блузке с допотопным костюмом и старушечьих очках?

– Какой... – Начала Татьяна, должно быть, имея в виду ужас, но ей не дали закончить фразу.

– Танька! Вот, ты где! – Резкий мужской голос саданул по ушам, как наждак. – Пойдём, я познакомлю тебя с...

– Подожди, Евгений, сейчас не время, – нетерпеливо отмахнулась Татьяна от довольно высокого, крепкого блондина в футбольной форме.

Я узнала в нём того самого молодого игрока, которому сегодня вручали приз за удачное выступление на каком-то чемпионате. В то время я совсем не интересовалась футболом, не то, что сейчас. На этот вид спорта меня посадил имен-

НО ОН...

– Евгений Марченко, мой муж, знакомься, Илоночка, – произнесла Татьяна, беря под руку статного парня. – А это Илона, – представила меня она, видимо, лихорадочно сообщая, как бы меня охарактеризовать, чтобы не обидеть. – Она у нас будущая балетная прима! – Выдала моя давняя приятельница с гордостью в голосе.

– А что это наша прима глазки описала? – Насмешливо поинтересовался Женька. – Умер что ль кто?

Я разревелась в голос. Татьяна, не доходившая по росту своему именитому супругу до плеча, со злостью ткнула его острым локтем в бок.

– К сожалению, ты прав, Евгений, – заметила она сухо. – У девочки большое горе. Её молодой человек недавно погиб.

Женька залился краской и выдавил из себя:

– Прости, девочка... Я не запомнил твоего имени, к сожалению...

По холодному взгляду Татьяны, уставленному на мужа, я поняла, что кое-кто сегодня крупно поплатится за свою бестактность. Он и поплатился, но совсем не так, как мне представлялось.

Глава 18

– Мою подругу зовут Илона! – Отчеканила Татьяна. – Мы дружим с детского возраста и то, что она намного младше меня, не даёт никому права...

– Давайте сбежим отсюда! – Неожиданно выдал Марчен-

ко, и в зеленовато-голубых его глазах заплясали озорные золотистые искры. – Я сейчас переоденусь. Илонка пусть тоже переоденется, и мы поедем, покатаемся.

– Ты выпил? – Строго поинтересовалась Татьяна.

– Нет, ты что? – Женька уставился на неё с неподдельным изумлением.

– Я видела, там угощают шампанским...

– Да, ну его в ж..! – Досадливо отмахнулся Женька. – Буду я пить эту бодягу! Идите, переодевайтесь, и встречаемся на стоянке. Ты, ведь, со мной в раздевалку не пойдёшь?..

– Когда это я по раздевалкам за тобой ходила? Иди уже, не выдумывай. Нам ещё надо отпросить Илону у педагогов.

Мне показалось, что Марченко немного обижается на свою жену за то, что она не ходит с ним в раздевалку. Как выяснилось позднее, Татьяна вообще принимала самое минимальное участие в его жизни.

– Куда я с тобой должна ехать, а? – Спрашивала она возмущённо. – Какой, к Эребу, Кубок, когда у меня кандидатская на носу?!

Или:

– Я тебе не пятнадцатилетняя фанатка, чтобы бегать за тобой по стадионам! У меня эксперимент простаивает, а ты тут со своими глупостями!

В тот день Танюша без труда уговорила преподав отпустить меня до самого отбоя. Они прекрасно помнили её по танцевальной студии и были приятно удивлены этой

встрече. Преподы знали, что Танечка выросла серьёзной, учёной дамой и в свои неполные двадцать пять по уму и чувству ответственности тянет на трёх сорокалетних.

– Женечка тогда был очень красивым... – Мечтательно протянула Катька, когда в моём рассказе возникла пауза.

Я ей, конечно, не рассказывала всего. Про Юру я молчу всегда и везде. Это только моё. Катьке я сказала, что была расстроена в тот день своим не очень удачным выступлением.

– С чего бы ему быть красивым? – Насмешливо поинтересовалась я. – Марченко никогда не был красавцем.

– Просто тебе нравится другой тип мужчин, – произнесла Катюня наставительным тоном, – как Гриша. А я таких, как Женечка, обожаю просто!..

Она зажмурилась, словно глупая кошка, вылакавшая без спросу сливки и не подозревающая пока о том, каких «пряников» на свою голову она того гляди отхватит.

– Таких, как Женька, пол-Москвы! – Возмутилась я. – Любого выбирай! Зачем тебе этот истрёпанный женатик?

– Не отвлекайся, Илона, – снова этот тон строгой учительницы, – рассказывай дальше!

Дальше мы поехали втроём по магазинам. С Танечкой было приятно и спокойно. С Женькой весело.

Не помню, кто из них предложил купить мне красную кружевную блузку. Кажется, Татьяна. К ней тут же была прикуплена широкая чёрная юбка, тоже отделанная кружевом, ко-

роткая кожаная куртка, вся в «молниях» и заклёпках, высокие, чёрные, лаковые ботинки, красные матовые лодочки...

В общем, в училище я явилась перед самым отбоем, нагруженная покупками, как один из средневековых осликов, поставлявших наряды капризным европейским аристократам. Я не была ни капризной, ни разбалованной, и мне сделалось неловко, что мои новые-старые друзья так легко тратят на меня деньги. Я отнекивалась, как могла, но они убедили меня, что для них все эти траты – сущий пустяк.

– Я премию недавно получил, – отмахнулся Женька. – Теперь год можно жить, не дёргаясь.

Думаю, так они оба хотели загладить Женькину давешнюю бестактность. Могли бы и не стараться. Я на него не сердилась. Их общество было для меня лучшей наградой.

Ещё я тогда подумала про себя, что им неплохо было бы приодеть Татьяну, и даже вслух выразила недоумение по поводу того, что моя старшая приятельница сама не хочет ничего примерить.

– Я в таких магазинах не одеваюсь! – Небрежно ответствовала Таня.

– Я ей из Европы вещи привожу, – пояснил Женька.

«Что же ты ей оттуда возишь? – Возмутилась я про себя. – Кофты облезлые?»

После выяснилось, что огромный зеркальный шкаф в спальне Татьяны буквально ломится от красивых, дорогих вещей известных марок. Однако хозяйка берегла их для ка-

кого-то «особого случая», который, кажется, так и не наступил.

Впрочем, мысли о тряпках быстро выветрились в тот день из моей юной головушки. Поездка с ветерком по Москве, прогулка в красивейшем парке, покупки, посиделки в ресторане... Да, наплевать, в конце концов, кто и как одет! Татьяна всю жизнь было на это наплевать. Девочка, родившаяся, если не с золотой, то с серебряной-то уж точно, ложкой во рту, была на редкость равнодушна ко всякой внешней атрибутике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.